Наталья
Федотова

КУЛЬТУРНЫЙ КОД ГОРОДА

Наталья Федотова

Культурный код города

«Автор»
2026

Федотова Н.

Культурный код города / Н. Федотова — «Автор», 2026

Что такое культурный код города? У каждого города есть культурный код или есть города без него? Как он выражается, и какие факторы влияют на генерирование и сохранение культурного кода города? Этим и многим другим вопросам посвящена монография, которая стала результатом исследований автором города и его культурного кода.В первой главе представлен культурологический анализ разных аспектов культурного кода города, а также авторская концептуализация данного феномена на основе обширного теоретического материала. Во второй главе автор приводит результаты эмпирических исследований культурного кода российских городов, а также обосновывает методологию такого рода исследований.Несколько параграфов посвящены результатам исследования культурного кода Великого Новгорода и Санкт-Петербурга. Монография будет интересна всем, кто интересуется культурным кодом, культурной идентичностью, культурной памятью, исследованиями города и городской культуры, в том числе, широкой читательской аудитории.

© Федотова Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Культурный код города: концептуальный анализ 5
1.1. Культурный код как теоретическая категория 5
1.2. Культурный код города 17
1.3. Структура культурного кода города 26
1.4. Культурный код города и городская идентичность 41
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Наталья Федотова
Культурный код города

Глава 1. Культурный код города: концептуальный анализ

1.1. Культурный код как теоретическая категория

Понятие «культурный код» прочно вошло в вербальное поле не только ученых, но и представителей власти, работников культуры и искусства, различных предприятий и организаций, включая сферу туризма и гостеприимства. Оно стало уже привычным для академического, культурного, политического, экономического и прочих типов дискурса, когда акторы маркируют значимость культурных особенностей, акцентируя внимание на условной (или символической) стороне действительности. Так, в заявлениях Президента России В. В. Путина неоднократно подчеркивалось, что культурный код нашей страны основывается на уважении к старшим, к Родине и любви друг к другу[1].

В 2025 году в Санкт-Петербурге открылся молодежный форум, который так и называется: «Культурный код – 2025». Форум ставит своей задачей «поиск смысловых ориентиров для молодежных творческих инициатив, выявление и поддержку ценностной составляющей в отечественной культуре и образовании»[2].

Номинацию «Культурный код» учредило Минкультуры РФ в рамках конкурса российских брендов «Знай наших», чтобы подчеркнуть важность сохранения и популяризации культурного наследия России и поддержать предпринимателей, работающих в направлении формирования уникального культурного кода страны (фольклор, литература, искусство, ремесла, история), с целью укреплению национальной идентичности. Существуют и организации, связывающие свою деятельность с культурным кодом. В частности, некоммерческая организация «Фонд поддержки и реализации духовных, патриотических и социально-культурных проектов “Культурный код”» ставит своей целью работу по сохранению культурного наследия России, возрождению, поддержке и развитию народных традиций во всех областях культуры и искусства всех национальностей страны. В рамках известного сегодня форума «Культурный код и традиционные ценности в креативных индустриях» представлены кино, театр, мода, дизайн, медиа, компьютерные игры, гастрономия и многое другое, что мы называем креативными индустриями, которые с помощью коммерческих продуктов транслируют ценности нашей страны на широкую аудиторию.

Между тем культурный код является сегодня и теоретической категорией, когда исследователи, прежде всего в рамках гуманитарных наук, рассматривают его в качестве концепта, способного раскрыть определенные аспекты той или иной проблемы, связанной с культурой и обществом. К культурному коду в науке обращаются самые разные ученые, в том числе философы, социологи, политологи, психологи, культурологи, лингвисты, но далеко не все вкладывают одинаковый смысл в данное понятие, что осложняет научную дискуссию. Данная проблема возникает в гуманитарных науках нередко, особенно в отношении интерпретации и, соответственно, выстраивания исследовательских стратегий вокруг концептов, имеющих

[1] Путин рассказал, в чем заключается культурный код России» // ТАСС.РУ. 30 мая 2024. https://tass.ru/obschestvo/20949157 (дата обращения: 7.11.2025).

[2] https://events.spbu.ru/cultcode2025 (дата обращения: 7.11.2025).

междисциплинарный характер. К таковым относится и концепт «культурный код». Соответственно, чтобы понять сущность культурного кода и перейти к познанию культурного кода города, следует разобраться с данной теоретической категорией и определить исходную позицию по данному вопросу. Понятие «код» пришло в гуманитарные науки из наук технических. Оно активно использовалось в математике, кибернетике, вычислительной технике в процессах формирования больших баз данных, в машинном переводе. Его назначение было связано с необходимостью кодирования и декодирования информации. И сегодня программисты «пишут код» с целью создания определенных правил, на основе которых функционируют целые программные комплексы и системы. Такие коды существуют для оперативной и точной передачи большого количества информации, а также для оперирования данной информацией с целью решения тех или иных задач.

Такое понимание кода, благодаря которому информация структурируется, хранится и передается, во многом стало основой для гуманитарных наук. Однако гуманитарии работают с более сложными и непредсказуемыми системами, которые образованы человеком, обществом, культурой. Информация об окружающей реальности и ее структура оказались гораздо вариативнее, что и стало причиной трансформации данного понятия.

Научный интерес к понятию «код» стал активизироваться во второй половине прошлого века в русле структурализма, лингвистики, семиотики, то есть там, где ученые работали со знаками, знаковыми системами, символами, а также процессами кодификации и дешифровки тех или иных объектов реальности. Так, у Мишеля Фуко понятие «код» появилось на страницах книги «Слова и вещи» в контексте его функции упорядочивания различных явлений реальности. Как структуралист, он пишет, что для установления порядка в обществе требуется некая система элементов, задающая внутренние законы и регламентирующая соотношения внутри, как результат определения сегментов, «внутри которых смогут возникать сходства и различия, типы изменений, претерпеваемых этими сегментами, наконец, порог, выше которого будет иметь место различие, а ниже – подобие» [Фуко, 1994, с. 33]. Данный аспект кода еще и получает у М. Фуко функцию идентификации, поскольку в данном случае идет речь о различии и подобии, что немаловажно для концепта «культурный код», о чем будет речь идти ниже. Ученый добавляет, что коды культуры, «управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» [Фуко, 1994, с. 33.]. Соответственно, М. Фуко не только раскрывает то, как код связан с культурой и ее системой ценностей и практик, но и фиксирует важный признак кода – связку с реальностью, с процессами ее интерпретации, с упорядочиванием информации в так называемых «эмпирических порядках».

В постструктурализме код – это уже открытая система, однако все тот же инструмент интерпретации реальности, наделяющий «читателя» возможностью осмыслять текст исходя из той или иной позиции. В целом же представители постструктурализма акцентируют внимание на коммуникативных процессах декодирования смыслов, означивания и кодификации реальности.

Говоря иначе, код является тем инструментом, с помощью которого осмысляются любые структуры, обеспечивается символическая связь между получателем и отправителем сообщений. Как полагает Жан Бодрийяр, код представляет собой главную категорию семиотики, которая позволяет «упорядочить и редуцировать» [Бодрийяр, 2000, с. 12], то есть использовать формы для восприятия и познания информации.

По мнению Умберто Эко, код есть не что иное, как «модель, являющаяся результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений» [Эко, 2004, с. 83]. Он вновь указывает на упорядочивающую функцию кода, поскольку именно так мы можем понять и передать информацию: «код вносит в

физическую систему некий порядок, сокращая ее информационный потенциал, но по отношению к конкретным сообщениям, которые формируются на его основе, сам код в определенной мере оказывается системой равных вероятностей, упраздняемых при получении того или иного сообщения» [Эко, 2004, с. 59]. Он полагает, что сообщение, созданное на основе кода, как раз и представляет результат работы кода, оно упорядочивает информацию, и мы можем его прочесть и понять. Это позволяет эффективно выполнять функции коммуникации, кодировать и декодировать информацию между теми, кто ее создает и получает.

Не менее важным представляется и собственно определение кода, которое дает У. Эко в своих работах. В частности, он пишет, что код представляет собой, во-первых, систему, что важно для последующего концептуального анализа понятия «культурный код». Во-вторых, такую систему, в которой выполнено минимум два из указанных им условий: «1) репертуар противопоставленных друг другу символов; 2) правила их сочетания; 3) окказионально взаимооднозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому» [Эко, 2004, с. 59]. Следовательно, код представляет собой как минимум набор символов и правил их сочетания.

Для Пьера Бурдье код также служит способом приведения многообразных коммуникаций и разрозненных фактов в единую смысловую конструкцию. Он отмечает, что «объективация, которую совершает кодификация, вводит возможность логического контроля логичности, возможность формализации», позволяет нормировать реальность, воспринимать и разделять мир [Бурдье, 1994, с. 123]. Причем актуальность значений зависит от интерпретаторов коллективного опыта и порождаемых ими интерпретирующих кодов – габитусов. Соответственно, П. Бурдье рассматривает процесс кодификации реальности сквозь призму понятия «габитус» как системы схем или принципов, упорядочивающей культурные смыслы, которой руководствуются акторы в социальных отношениях.

Таким образом, код есть система, которая позволяет объективировать реальность и приводить в осмысленный порядок набор знаков, символов, текстов.

В семиотике понятие «код» не только стало весьма востребованным, но и раскрыло важность исследований знаково-символических аспектов культуры, которые затем сложились в рамках семиотической парадигмы. Междисциплинарность проблемного поля семиотики отразилась и на многообразии подходов к пониманию кода в культурологических, исторических, лингвистических, философских, антропологических исследованиях.

Коды, по мнению Юрия Лотмана, являются инструментами интерпретации и дешифровки текстов культуры «во всем пространстве семиозиса – от социальных, возрастных и проч. жаргонов до моды» [Лотман, 1996, с. 165]. Поскольку код связывает знак и значение в процессах коммуникации, то он является знаковым посредником между человеком и реальностью, способствующим передаче смыслов. Код – это неотъемлемая часть культуры, что и отразилось в появлении понятия «культурный код». Более того, как полагает Ю. М. Лотман, наиболее общим культурным кодом для понимания культуры является культурная традиция, воплощенная в текстах своей эпохи, со своими нормами и правилами. Примером кода может выступать естественный язык, если рассматривать его как знаковую систему, то есть набор определенных знаков (символов) и правил их употребления, который требуется для передачи определенной информации.

С позиции семиотики многие сферы деятельности человека также могут быть рассмотрены как язык по тем же самым критериям, в том числе, например, театр или религия. В этом случае коммуникация, в результате которой осуществляется передача, получение и интерпретация сообщений, потребует, как минимум, знаний о религии и театре, чтобы понять значение религиозного текста или театральной постановки. Соответственно, код в данном случае выступает как важнейший фактор коммуникации, без которого передача информации невозможна.

В конце прошлого столетия научный интерес к коду и к его связи с культурой возник у целого ряда исследователей. Следует отдельно отметить, что помимо культурологов и философов концепты «код» и «культурный код» весьма активно сегодня используют лингвисты, особенно те из них, кто работает в междисциплинарных областях, в частности, в области лингвокультурологии или психолингвистики.

По мнению В. А. Масловой, «в лингвистику понятие кода пришло из семиотики, где оно тоже неоднозначно: это и знаковая структура, и способ структурирования символов, но их можно свести к закону соответствия плана содержания плану выражения» [Маслова, 2016, с. 79]. С другой стороны, весьма популярным стало отождествление кода с культурой как набором тех экстралингвистических факторов, который задает знаку определенное значение и которым пользуется получатель сообщения при интерпретации информации.

Так, В. Н. Телия говорит о коде культуры как о «совокупности окультуренных представлений о картине мира того или иного социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях… действиях, событиях…» [Телия, 1999, с. 20–21]. Иными словами, код «позволяет понять, как значение преобразовалось в культурный смысл, например, как конь, будучи реалией мира, приобретает многочисленные смыслы в русской культуре, становится символом силы, выносливости» [Маслова, 2016, с. 80]. Поэтому код иногда связывается с концептуальной метафорой «контейнер» как глубинным культурном пространством, «в котором разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код» [Маслова, 2016, с. 80]. Иногда лингвисты употребляют понятие «код культуры». В частности, В. В. Красных считает, что «код культуры есть сетка, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2002, с. 232]. В межкультурной коммуникации, как показывают исследования, успешный диалог с представителями разных культур невозможен без понимания их языковой тождественности и расшифровки лингвокультурных кодов [Нестеров, Трунев, 2008].

В связи с этим культурный код, который, казалось бы, как утверждали постструктуралисты, является той системой, которая упорядочивает и структурирует большое количество информации, делая ее осмысленной и доступной для понимания, в лингвистическом понимании становится скорее культурной рамкой, условием, контекстом. Культурный код здесь понимается как «устоявшаяся форма осмысления культурной реальности и исходящие из этого понимания сценарии поведения и речения, принятого в том или ином обществе» [Алексеев-Апраксин, Бяо, 2021, с. 58], а его отсутствие делает знаки недоступными для понимания или искажает понимание.

Частично данное понимание культурного кода связано с той трактовкой, которой придерживаются психологи и психолингвисты в своих исследованиях, направленных на изучение особенностей восприятия иной/чужой культуры. В данном случае актуализируется ментальная и бессознательная природа культурного кода, которая отвечает за культурную устойчивость, прежде всего, национальных и этнических сообществ, а проявляется в поведении представителей этих сообществ и их стереотипах.

Популярностью данная трактовка культурного кода, по нашему мнению, обязана известной работе американского психолога, антрополога Клотера Рапая, который определяет культурный код как бессознательное, влияющее не только на жизнь людей, но и их потребительские стереотипы. Он считает, что познать культурный код нации – значит, найти ключ к покупательским, политическим и прочим решениям людей. По мнению К. Рапая, «культурный код – это бессознательный смысл той или иной вещи или явления, будь то машина, еда, отношения, даже страна в контексте культуры, в которой мы воспитаны… это значение, которое мы бессознательно приписываем» чему-либо, «в каждой стране свой» [Рапай, 2018, с. 19]. В качестве факторов, оказывающих влияние на формирование культурного кода, он определяет особенности картины мира людей, объединенных общими традициями и ценностями.

Поэтому сегодня нередко ученые определяют культурный код как совокупность «архетипов коллективного бессознательного культуры», «осмысленных в культуре переживаний» [Гудова, Юань, 2022, с. 156]. Отсюда и многие другие практики и маркетинговые технологии во многом основаны на учете данного аспекта культурного кода. В частности, как показывают исследователи, «реклама несет в себе культурный код страны-производителя» [Иванова, Ягодкина, 2020, с. 3].

Между тем при изучении культурного кода в рамках культурологии, социологии, философии устоялись иные направления в интерпретации данного понятия, которое может быть гораздо шире и не ограничиваться контекстом национальных или этнических сообществ.

Важно отметить, что с позиции культурологии применение концепта «культурный код» – это определенная направленность изучения культуры не только нации, государства, этноса, но и культуры города, региона, различных субкультур, включая молодежные и профессиональные, когда при анализе разнообразных культур предполагается акцент на знаково-символическом познании. Именно поэтому исследователи нередко подчеркивают, что понятие «культурный код» позволяет выйти на определенный методологический аспект, задавая исследователю такое направление исследований, «основной задачей которого становится выявление наиболее устойчивых, универсальных и повторяющихся знаков определенного типа, а также характерные связи между ними, в пределах любого текста как семиотической структуры…» [Дробышев, 2024, с. 43].

Поскольку научный интерес к данной методологии в последние годы увеличился, демонстрируя тем самым свой потенциал при получении новых знаний о культуре, то ученым потребовалась устойчивая теоретическая конструкция, которая бы позволяла применять в конкретных исследованиях, в том числе, и эмпирических, научную категорию «культурный код». Первичная теоретическая установка в культурологии связана с процессами расшифровки смыслов культуры, которые хранятся в символах, концептах, в знаках и знаковых системах, а отражаются в традициях, ритуалах, дискурсе. Чтобы понять любой культурный текст, требуется код, раскрывающий сущность культуры. С другой стороны, популярность концепта «культурный код» связывается еще и с тем, что с его помощью актуализируются проблематика в исследованиях культуры, связанная с вопросами коллективной памяти и идентичности. Интерес к данной проблематике у культурологов не угасает в последние десятилетия, поскольку именно в эпоху постглобализации и цифровизации реальности актуализируется научный поиск оснований, которые бы обеспечивали культурный суверенитет.

Весьма актуальным является концепт «культурный код» в контексте изучения и решения вопросов, связанных с культурной политикой. Определения культурного кода есть и в нормативных документах, регламентирующих данную сферу деятельности. В частности, как сказано в утвержденной Указом Президента РФ Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, «современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру» [Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666]. Данная трактовка культурного кода, несмотря на ее прагматичный характер и широкий контекст, все же предполагает наличие определенной системы культурных принципов и установок, которая хранится в памяти культуры, поддерживает ее уникальность и объединяет всех, кто имеет отношение к данной культуре.

Поэтому потенциал концепта «культурный код» в культурологии весьма многогранен и может применяться для анализа самых разных культур, культурных практик и процессов, где появляется потребность в выявлении тех смыслов, которые выражают культурную специфику и

зашифрованы в символических средствах. Говоря иначе, концепт «культурный код» мы можем применять везде, где сталкиваемся с символизацией действительности. Как подчеркивает В. М. Савицкий, «быт, внешность, питание, профессиональная деятельность, – имеет знаковый аспект» [Савицкий, 2019, с. 71]. Знаково-символическое направление в изучении культуры нацеливает на понимание всей культуры как символической вселенной, на что указывал еще Эрнст Кассирер [Кассирер, 2001, 2002]. Такая вселенная функционирует по определенным правилам, поскольку человек в своей жизни всегда руководствуется символами и знаками, чтобы коммуницировать, то есть получать и передавать информацию.

Немалое количество знаков и знаковых систем, которые мы используем (язык, нотная грамота, правила дорожного движения) обеспечивают надежную передачу смыслов, но и они же нередко служат объединяющим началом как для малых, так и для глобальных сообществ. Именно поэтому «окружающий мир… представляется как знаковая многоуровневая структурированная система… и чтобы система работала, ей необходимы определенные средства, к которым нужно отнести вербальные и невербальные способы общения: вербальный язык, язык жестов, мимики, пластики, графические условные обозначения, акустические сигнальные системы…», и всех их мы называем кодами [Савицкий, Черкасова, 2023, с. 4352]. Заметим также, что «по мере развития цивилизации этих условностей становится все больше» [Ступина, 2025, с. 134].

Таким образом, весьма широко культурный код можно понимать как символический фундамент культуры, который обеспечивает прочность и устойчивость всей конструкции норм и ценностей конкретного сообщества. Пожалуй, единственным, что объединяет практически все определения культурного кода в культурологии, является его интерпретация как определенной системы, а не набора хаотично сгруппированных знаков или правил сочетания знаков. Это говорит о системности как ключевом признаке культурного кода, то есть его: а) целостности, б) наличии определенной структуры, в) взаимосвязи внутренних элементов кода.

Между тем в контексте решения методологических задач для культуролога важно найти или выработать такое понимание культурного кода, которое бы могло рассматриваться как понятная теоретическая категория, применимая для культурологического анализа любых объектов, практик, процессов. С этой целью далее обозначим основные аспекты в употреблении концепта «культурный код», которые, соответственно, актуализируют и разные направления такого анализа, а также определим тот из них, который будет определяющим в данной работе.

По нашему мнению, в рамках культурологии все определения культурного кода можно разделить на три большие группы исходя из доминирующего смысла данного концепта.

1. Культурный код как структура

В данном направлении исследований культурного кода, имеющего корни в технических науках, особое значение имеет не только наличие системы, о которой речь шла выше, но и структурированность как ключевой признак кода, а также структурные связи, которые не могут функционировать без правил. Здесь особый научный интерес представляют правила структурирования сообщений и их интерпретации. «Принимая во внимание регулятивную функцию кода, можно сделать вывод, что суть данного понятия в семиотико-лингвистической парадигме наиболее адекватно отражает слово “правило”» [Степанова, 2012, с. 133].

Сюда можно отнести и правила, которые необходимы для расшифровки культурных текстов, и правила, по которым эти тексты или символы создаются, что особенно важно для семиотики. Здесь код не что иное, как набор определенных правил, обеспечивающих процессы кодирования и декодирования, о которых говорили многие ученые, включая постструктуралистов. Соответственно, в данном случае культурный код работает как шифр, позволяющий раскрывать смыслы разных феноменов, поскольку он представляет собой не сами культурные смыслы, но некий принцип, «пароль», правило чтения, понимания и применения знаков городского текста [Спешилова, 2024]. Так же как и в отношении естественного языка, мы можем

сказать, что код здесь служит инструментом прочтения и понимания сообщений, и многое зависит о того, какой код применяет человек, расшифровывающий культурные тексты, знаки, символы. Поэтому культурный код понимается здесь как упорядоченное множество «взаимосвязанных между собой стандартов, ограничений, предписаний и установок по отношению к разным видам деятельности» [Аванесова, Купцова, 2008, с. 41].

В этом случае потенциал культурного кода заключается в его способности раскрывать тексты культуры, понимать их глубинный смысл. Без культурного кода объекты действительности окажутся лишенными значения, которое вложено в них творцом, они перестанут значить, то есть не будут производить ценность данного объекта для общества. Так, если проводить семиотический анализ и рассматривать значение, например, памятника воинам, то культурный код в данном случае является тем инструментом интерпретации, который позволит раскрыть смысл представленных в памятнике фигур, символичности всей композиции или даты установления данного памятника. Иными словами, декодирование требует определенных знаний и установок, связанных со способностью к расшифровке знаков и символов. Особенно символически насыщенными являются объекты, которые связаны с религией (например, православные символы или храмы) и с творчеством (например, художественные образы в живописи, литературе, кинематографе). Этим можно объяснить популярность в данных сферах применения семиотической методологии как инструмента познания, где культурный код представляет собой ключ к расшифровке сложных культурных текстов и символов.

2. Культурный код как способ коммуникации

Если акцентировать внимание на одной из важнейших функций, которые выполняет культурный код, а именно функции передачи информации в процессе взаимодействия двух или более участников, то в этом случае культурный код будет выступать как условие коммуникации. Говоря иначе, культурный код является такой системой, которая обеспечивает накопление, сохранение и передачу информации. Если размышлять более глобально, особенно учитывая культурологический контекст, то культурный код представляет собой передачу всего культурного опыта, который накоплен одним поколением, другому поколению. Как считают некоторые исследователи, «культурный код – способ передачи знаний о мире, навыков, умений в данной культурной эпохе» [Никишова, 2007, с. 105].

В данном контексте доминирующим направлением для исследований культурного кода будет методология, накопленная в области теории коммуникации, позволяющая раскрывать все особенности процесса передачи, обработки, хранения, получения и интерпретации информации, включая характеристики отправителей и получателей. С помощью культурного кода информация становится доступной для передачи, а сам процесс коммуникации осмысленным. Тогда как сам культурный код, исходя из данной позиции, представляет собой двустороннюю сущность, аккумулирующую необходимые для осуществления коммуникации процессы – «два базовых процессуальных компонента: трансляцию и интерпретацию культурной информации» [Батыршин, Гуревич, 2024, с. 20]. Важно также подчеркнуть, что в отличие от знака, который также передает информацию, код осуществляет передачу смыслов не сам по себе, а в совокупности знаков, символов, сигналов [Букина, 2010].

3. Культурный код как совокупность смыслов

Между тем, как было обозначено ранее, культурный код нередко представляется как набор знаков или символов, несущих информацию. Это не столько культурная рамка или правила сочетания знаков или способ коммуникации, сколько именно определенные смыслы, в которых заложена принципиально важная информация. Причем данные смыслы не просто хранят особую, важнейшую для сообщества информацию, как генетический код хранит ее для конкретного организма, но и в своей совокупности обеспечивают уникальность и постоянство культуры. В таком, скорее культурологическом, аспекте трактовка концепта «культурный код» становится несколько шире, но именно она открывает больше возможностей для выявления

самых ценных пластов культуры, обеспечивающих культурную идентичность. Культурный код в данном случае понимается как сематическое ядро культуры или система смыслов, зафиксированная в знаковой форме, которая хранит наиболее важную информацию о культуре через осмысление и обобщение культурного опыта (функция памяти) и позволяет отличать культуру от других, идентифицировать, понимать ее уникальность (функция идентификации).

Используя данное направление в понимании культурного кода, у исследователя есть разные способы выявления данных смыслов, которые сложились в рамках культурологического анализа. В частности, смыслы культурного кода, заключенные в знаковые средства, могут быть раскрыты через образы, аккумулирующие в возникающих у человека представлениях и ассоциациях большое количество информации. Образы выражают и отражают культурный код через репрезентацию культурных смыслов. По мнению Ю. М. Лотмана, культурный код – это «упорядоченная совокупность образов, кодифицированных в данной культуре» [Лотман, 1994, с. 394]. Образы связывают смыслы с их знаковой оболочкой через представления, которые возникают у человека, когда он декодирует окружающую реальность. Такие «образы и представления, формирующиеся из повседневной, профессиональной, культурной, религиозной и т.д. сфер жизни человека» [Савицкий, 2019, с. 69], являются условием функционирования культурного кода, задающего направления для осмысления, категоризации, оценки, понимания реальности. Через образы осуществляется репрезентация тех смыслов, из которых состоит культурный код, а также их фиксация (нередко в художественных образах) и трансляция через процессы коммуникации.

Особенное значение в данном направлении, являющимся для нас определяющим, имеет тот факт, что культурный код как система важнейших для сообщества смыслов есть результат развития культуры. Культурный код формируется целыми поколениями, и в результате в коллективной памяти остаются лишь те образы, которые выражают сущность культуры и отражают ее уникальность. Как подчеркивают исследователи, культурный код есть не что иное как «развивающаяся во времени (в истории) система свернутых метасмыслов» [Николайчук и др., 2023, с. 50]. Соответственно, культурный код накапливает в себе, хранит и транслирует из поколения в поколение систему ценностных ориентиров этноса/нации, накопленный культурно-языковым коллективом опыт познания мира и совокупность жизненных рекомендаций [Савицкий, Черкасова, 2023]. Функция памяти, которую выполняет культурный код, «обеспечивает передачу информации от одного поколения другому в пределах всей человеческой истории» [Симбирцева, 2016, с. 161], а также позволяет влиять на интерпретативную устойчивость этой информации «в пространственно-временном континууме» [Симбирцева, 2016, с. 161].

Свойства культурного кода, исходя из данной позиции, сравнимы со свойствами генетического кода, обеспечивающими наследуемость – хранение самой важной информации, отвечающей за уникальность культуры, и передачу ее следующим поколениям. М. С. Каган, говоря о культуре в целом, нередко сравнивал ее с особым «генофондом», когда «передается из поколения в поколение то, что гены биологические неспособны кодировать и транслировать» [Каган, 2018, с. 14]. Такое понимание культурного кода также нацеливает на его системность и целостность, о которой говорит ученый всегда, когда дает определение культуре, а также на динамичность. Иными словами, система культурных смыслов подвижна и является лишь относительно устойчивой, поскольку код предполагает обновление, которое затем также наследуется через социальный опыт.

Следовательно, в зависимости от того смыслового аспекта в понимании культурного кода, которым руководствуется ученый (условно говоря – семиотический, коммуникативный, культурологический), возникают и разные направления в исследованиях культурного кода, каждый из которых находится в рамках определенной проблематики и, соответственно, решает конкретную задачу.

Культурологическая позиция в трактовке культурного кода весьма востребована среди современных культурологов и нередко применяется учеными в тех исследованиях, которые направлены на познание сущности, уникальности, своеобразия культуры, причем, как правило, культуры национальной. Так, при исследовании японской культуры Н. Н. Изотова применяет концепт культурный код [Изотова, 2020], где обозначенная нами совокупность смыслов выступает как система координат, которая позволят объяснить динамику развития культуры, в результате которой в памяти коллектива остаются самые важные смыслы. Поскольку эти смыслы весьма важны, то сам культурный код «как совокупность знаков, смыслов, которые зашифрованы в материальной и духовной деятельности человека», выступает «основой концептуализации мира» [Изотова, 2022].

Такого рода исследования демонстрируют то, как функционирует культурный код и каковы уровни его познания. С одной стороны, культурный код фиксируется в процессе кодирования реальности в разных символических средствах (тексты, знаки, символы), с другой же он отражается в целой совокупности разнообразных проявлений реальности (праздники, законы, памятники), включая художественные тексты (поэзия, музыка), которые осмысляются посредством образов. Соответственно, культурный код выступает как «ценностная матрица, включающая константы культуры, инструмент соотнесения информации с определенными знаками (символами), в концентрированном виде фиксирующими и транслирующими содержание ценностей и смыслов» [Изотова, 2022]. И что особенно важно, культурный код в этом случае мы можем понимать как «конечное множество смыслов» и «набор характеристик, которые помогают идентифицировать культуру» [Николайчук и др., 2023, с. 50]. Таким образом, данный аспект в исследованиях культурного кода имеет непосредственную связь с изучением коллективной идентичности, которая во многом формируется и держится за счет принятия человеком значимости и ценности смыслов культуры, образующих культурный код. Причем культурная динамика обеспечивает изменчивость культурному коду, когда одни смыслы уходят на латентный уровень, а другие получают актуальность в соответствии с теми изменениями, которые происходят в культуре.

Таким образом, культурный код представляет собой относительно устойчивую систему смыслов, выраженных в образах и зафиксированных в знаково-символических средствах, которая обеспечивает хранение в коллективной памяти и трансляцию следующим поколениям наиболее значимых принципов и характеристик культуры, позволяет осмыслять, дешифровывать культуру как целое, понимать ее уникальность и отличие от других культур. Другими словами, культурный код – это семантическое ядро культуры, которое отражается в ценностях и нормах данного коллектива людей, хранится в знаках, символах, концептах, текстах данной культуры.

Изучение конкретного культурного кода, регулирующего деятельность того или иного сообщества, может рассматриваться как исследование данной системы культурных смыслов и ее структурных связей, которая хранит коллективную память, обеспечивает уникальность, обозначает ценностные ориентиры и позволяет идентифицировать данную культуру. На наш взгляд, исследования культурного кода – это расшифровка сущности культуры, ее основополагающих принципов, символов, установок, которая нередко осуществляется через образы в самых различных практиках. Как показывают культурологические исследования, культурный код может быть выявлен, например, через театральную практику, поскольку театр – это художественное отражение культурного кода страны [Ефремов, 2019, с. 401]. Способом репрезентации культурного кода следует рассматривать и сказку, поскольку данный тип вербального текста «несет в себе универсальные для характеристики ментальности и специфически национальные черты» [Злотникова, Жукова, 2019, с. 165].

Творчество, законы, традиции, праздники, а также иные практики и объекты культуры, в которых зашифрованы ключевые смыслы культуры, могут отражать его культурный код. Куль-

турный код многогранен, как и многогранна сама культура. Соответственно, мы можем говорить о культурном коде массовой культуры и элитарной, о культурном коде этноса и нации, культурном коде города и поселка.

Однако, как систематизировать исследование, направленное на выявление всего многообразия смыслов, несущих культурный код конкретного сообщества? Поскольку важнейшим признаком культурного кода является структурность, то одним из вариантов культурологического анализа в этом случае может выступать поиск структуры, с помощью которой набор доминирующих смыслов будет систематизирован единой логикой. Следовательно, можно согласиться с исследователями, которые полагают, что «в исследовательском плане эта система прежде всего должна быть исследована с точки зрения сложной внутренней структуры, обеспечивающей непрерывную перенастройку в соответствии с условиями внешней среды функционирования системы [Гудова, Юань, 2022]. Один из способов здесь может быть связан с выявлением внутренней системы структурирования смыслов, из которых складывается культурный код. Некоторые исследователи предлагают «создать иерархичную систему кодов, выделяя при этом подкоды, и в этой многоуровневой системе элементы культурных кодов (образы) будут являться ничем иным, как знаками со сменной субстанцией в плане выражения: образ можно воплотить в разных материальных носителях [Савицкий, Черкасова, 2023].

Если обратиться к вопросу о подходах к строению внутренней структуры, из которых складывается культурный код, то следует обратить внимание на следующие позиции исследователей.

В частности, существует мнение, что культурные коды, «являясь отражением культурной ментальности, представляют собой сложный конгломерат политических и философских, культурных и социальных, конфессиональных и этических, этимологических и синонимических, исторических и других представлений» [Котляров, 2022, с. 5]. В ряде исследований отмечается возможность построения иерархических систем культурных кодов: глобальных, региональных, локальных [Николайчук и др., 2023] или системы «региональных, страновых, локально-групповых» культурных кодов [Мосейко, 2021, с. 12]. Также в ряде исследований делаются акценты на том, что культурный код может структурироваться на следующих основаниях: географические параметры культурного кода (пространственные представления, установки, образы, символы); геополитические (установки в отношениях с внешним миром); культурно-исторические (сложившиеся традиции в понимании жизнеустройства) [Мосейко, 2021]. В упоминаемом ранее исследовании Надежды Изотовой культурный код нации представлен как совокупность следующих кодов: «духовный, коммуникативный, природно-ландшафтный, гастрономический, код повседневности, антропонимический код» [Изотова, 2022], и каждый из них отражает особенности культуры и значимые смыслы для общества, участвует в идентификации, способствует сохранению памяти. Однако если в качестве отсчета взять семиотическую позицию, то структура культурного кода может быть представлена исходя из разных способов кодирования информации: визуальные, тактильные, вербальные, аудиальные коды, а также коды обоняния и вкуса [Букина, 2010, с. 237].

Между тем способы структурирования смыслов, из которых состоит культурный код, во многом зависят, как уже было отмечено, от целей и методологии исследователя. В частности, если исследуется культурный код народа, этноса или государства, то структура смыслов может быть выявлена, например, через категории национальной идентичности или посредством обращения к культурной памяти, через праздники, литературный ландшафт или через выявление ключевых символов культуры (официальные или гастрономические), в которых осуществляется репрезентация тех образов, с помощью которых структурируется семантическое ядро культуры. Если выявляется культурный код локальных территорий, включая город, то структура смыслов может быть иной, поскольку в данном случае одним из ключевых аспектов станет пространственный, выраженный, в частности, в архитектуре или в планировочной конструк-

ции города. Соответственно, в облике города могут отражаться культурные коды разных эпох как результат культурной динамики, когда строение улиц, памятные места, арт-объекты отражают следы средневековой, имперской или советской эпохи.

Наиболее важными концептами, которые, на наш взгляд, необходимы для теоретического осмысления и исследования культурного кода, являются следующие.

Во-первых, это знаки и символы как результаты кодирования культуры. Знаково-символическое направление исследований предполагает обращение к семантике окружающего мира. Знаковыми или символическими свойствами (исходя из той или иной методологической позиции) обладают, например, слова, звуки, движения, события, нарративы, изображения, образуемые в тексты, которые отражают определенные образы. Культурный код фиксируется и сохраняется в знаково-символическом пространстве того или иного коллектива людей посредством цвета, формы, слова, изображения. Знаковая функция в данном контексте является ключевой, поскольку она раскрывает потенциал культурного кода через обращение к значению и ценности того или иного объекта реальности для сохранения и функционирования культуры.

Во-вторых, это образы как символический посредник между миром смыслов и окружающей реальностью, которые тесно связаны со знаками и символами, поскольку отвечают за их внутреннее наполнение. Образы, в отличие от знаков, имеют идеальную природу, их суть сводится к отражению осмысляемой реальности. Образы обеспечивают «схватывание» смысла за счет его объективации в чувственном или когнитивном аспекте; они представляют собой результат воображения как процесса воспроизводства смыслов и являются проводником, соединяющим индивидуальное осмысление и коллективные представления. Культурный код может быть дешифрован через оптику образов, передающих смысловую матрицу культуры и отвечающих за символическую репрезентацию смыслов в самых разных практиках – в кинематографе, в живописи, в литературе, в брендах, символах культуры. Образ – это оболочка смысла, которая доставляет его человеку и обеспечивает процесс понимания передаваемого смысла.

В-третьих, это культурные смыслы, которые представляют глубинный или ментальный уровень познания культурного кода города. Именно смысл является единицей культурного кода, поскольку через смыслы раскрывается суть культуры. Смыслы представляют собой фундамент культуры, ее норм и ценностей, они проявляются в многообразных образах и зашифрованы в знаково-символическом универсуме коллектива. Смыслы фиксируется в знаках и символах, а выражаются в образах. Осмысление значит принятие, понимание, переживание и, как возможный результат, идентификация. В процессе осмысления происходит дешифровка культуры через образы, заключенные в срезах реальности. Смыслы – это встреча человека с бытием, с реальностью, с культурой. Обращение к категории смыслов актуализирует конвенциональную природу культуры, необходимость существования символических средств, способных донести смыслы до человека. На ментальном уровне познания культурного кода раскрывается структура смыслов как тех единиц, вокруг которых структурируются образы и выстраивается знаково-символическое поле значений и ценностей культуры. Кроме того, через категорию смыслов осуществляется познание процессов генерирования и трансляции культурного кода.

Подобная многоуровневая система культурного кода также может быть представлена как образно-смысловая модель мира, присутствующая в той или иной культуре, имеющая ментальный и символический характер, продуцирующая многообразные ассоциации и смысловые коннотации, закрепляющая на семантическом уровне нормы и ценности культуры.

Таким образом, используя концепт «культурный код» в исследованиях, важно обращать внимание на следующие его свойства: – культурный код имеет символическую природу, что выражается в его посреднической функции между человеком и миром смыслов, в условности кодирования реальности;

– разнообразие культурных кодов, присущих коллективам людей, обеспечивает социальное и культурное разделение сообществ;

– культурный код осуществляет репрезентацию реальности через знаковые средства в процессах коммуникации;

– культурный код транслирует наиболее значимые смыслы коллективов людей с помощью образов, которые фокусируют смыслы и являются их оболочкой;

– культурный код выражает ценностное ядро культуры;

– благодаря культурному коду в коллективной памяти сохраняются наиболее важные события, которые проявляются в образах прошлого;

– культурный код выражает и поддерживает коллективную идентичность.

К признакам культурного кода следует отнести его способность передачи важной для жизнедеятельности коллектива информации, нормируемость культурных практик, системность, культурную наследуемость через передачу социального опыта, отбор и сохранение в памяти значимых смыслов, обеспечение динамики культуры посредством появления новых актуальных смыслов, а также уникальности и своеобразия культуры.

1.2. Культурный код города

Город еще со времен античности стал осмысляться философами как особый феномен, требующий отдельного понимания и исследования. Так, уже Аристотель в своих работах рассуждал об идеальном городе, обращая внимание, в частности, на зонирование городской территории и планирование города: «правильную распланировку не следует придавать всему городу, а лишь отдельным частям и местам… это будет хорошо в смысле безопасности и красоты…» [Аристотель, 1997].

Между тем началом процесса выявления и описания города как феномена, но с экономической позиции, считаются труды К. Маркса и Ф. Энгельса, которые осмысляли его как место для роста капиталистических связей и индустриального производства, а также как проекцию общества. Тогда как впервые комплексно подошел к теории города М. Вебер, который в работе «Город» представил типологию городов начиная с античности, и кроме экономического представил также социальный и политический срез [Вебер, 2001].

В дальнейшем социологи, философы, антропологи представляли разные теории города, в которых рассматривали его как отдельный объект исследования, обладающий собственными закономерностями развития. В частности, одним из направлений в аксиологии является понимание города через категорию отчуждения и враждебности, каким его видел, например, Ф. Теннис, оказавший определенное влияние на дальнейшее изучение социальных и культурных практик города. Проблему соотношения между индивидуальным и надындивидуальным в городе обозначил в своих работах Г. Зиммель, однако он раскрывал этот аспект не в контексте коллективной памяти, а в рамках проблемы больших городов, в которых существует и приспособляется человек, стремясь сохранить «свою самостоятельность и самобытность от насилия со стороны общества, исторической традиции, внешней культуры и техники жизни» [Зиммель, 2002, с. 23].

Особое влияние на становление урбанистического направления знания оказала Чикагская школа [Парк, 2006; McKenzie, 1927; Вирт, 2005], в рамках которой впервые город предстал как сложный социокультурный феномен, в котором пересекаются разные миры и субкультуры. Город стал пониматься, с одной стороны, как сложнейший (исходя из биологии) организм со множеством разнообразных связей, обусловленных во многом территориальными аспектами (Р. Парк), что послужило в дальнейшем формированию концепции экологии города. С другой стороны, ученые акцентировали внимание на символических и коммуникативных аспектах функционирования города, что в итоге привело к появлению концепции города как образа жизни (Л. Вирт). Исследователи выявляли различные «социальные миры», которые наполняют город и выражаются в ценностях, сленге, визуальном облике, нормах поведения. Известный британский социолог Э. Гидденс пишет о том, что города в глазах представителей Чикагской школы «растут не беспорядочно, а сообразуясь с преобладающими свойствами окружающей среды» [Гидденс, 2005, с. 185], и подчеркивает, что ученые предложили экологический подход к анализу городов, а также описывали город как своеобразный, присущий только ему образ жизни.

В связи с этим достижения этой школы урбанистики «связаны с исследованием ряда социальных проблем, специфических для городского стиля жизни» [Дмитриева и др., 2021, с. 193] – анонимность взаимодействий жителей города, частота и кратковременность их встреч, поверхностность контактов между горожанами, уменьшение уровня социальной сплоченности людей, деградация обычаев, традиций, высокая концентрация и большая численность населения, социальная неоднородность.

Для данной работы важным является то, что мы рассматриваем теоретические положения Чикагской школы на основе социокультурной методологии, позволяющей раскрывать

многомерные системные связи исследуемых феноменов (в нашем случае – города), благодаря которым появляется возможность осмыслять нелинейные системы социальных и культурных взаимодействий, а также выявлять многообразие систем, объединяющих в себе самые разные измерения и уровни.

Кроме того, одним из методологических следствий познания города Чикагской школой стала популярность картирования пространств города, которые накладывались на субкультурные особенности городских территорий. В дальнейшем появилось и ментальное картирование, которое, в частности у американского урбаниста К. Линча [Lynch, 1960], связывается с образом и особенностями когнитивного восприятия города исходя из пяти ключевых направлений, которые способствуют «воображаемости» города. Это позволило объяснять – как и за счет каких «маяков» человек видит, приближает и представляет город, как ориентируется, на что обращает внимание при передвижении. Ментальное картирование открыло интерес ученых к исследованию того, как воспринимается пространство города со стороны человека.

Пространственную сущность города в своих исследованиях раскрыл французский философ, социолог, представитель неомарксизма А. Лефевр [Lefebvre, 1991], который впервые заявил о социальной и культурной обусловленности пространства и возможности производства пространства в контексте трансформации социальных отношений. Существующая в определенном времени деятельность порождает пространство «и лишь в пространстве обретает практическую “реальность”, конкретное существование» [Лефевр, 2015, с. 124]. Он подчеркивает, что воспринимаемое, понимаемое и воображаемое нами пространство города не является стабильным, а следовательно, его можно и нужно менять.

Работы А. Лефевра повлияли, в рамках научного интереса к восприятию городского пространства, на формирование Лос-Анджелесской школы. Представители Лос-Анджелесской школы (Э. Сойя, М. Дэвис), опираясь во многом на теорию пространства А. Лефевра, осмысляли город в духе постмодернизма. Так, Э. Сойя, будучи сторонником «критической власти пространственного и географического воображения» [Soja, 2003, p. 269–280], предполагает, что смыслы и значения пространства (дом, ландшафт, расположение и пр.) сконструированы активной деятельностью субъектов социальных отношений, а значит, могут иначе восприниматься, пониматься и воображаться. Особый научный интерес данной школы вызывало «архитектурное пространство как главная социокультурная градообразующая составляющая» [Вальдес, 2014, с. 322].

Таким образом, к середине XX века исследования, в которых город является ключевым объектом познания, становятся частью urban studies, объединяющих спектр «тенденций, позиций и интерпретаций, которые стремятся сформулировать понимание городской жизни, выходящее за пределы тех конкретных обстоятельств и случаев, в которых было порождено» [Трубина, 2011, с. 13].

В российской науке город в начале прошлого века стал предметом исследований Н. П. Анциферова – историка и литературоведа, который обосновал на примере Петербурга свои теоретические и методологические воззрения на природу города. Город в представлениях Н. П. Анциферова, как комплексный социальный организм, представляет собой не только анатомию и физиологию, но и является культурным феноменом, обладающим индивидуальностью, собственной душой, которая во многом обусловлена историческими отложениями. Как считал ученый, «любой город имеет свою индивидуальность, свое лицо» [Анциферов, 1926, с. 22]. Кроме того, Н. П. Анциферов полагал, что город необходимо осмыслять не в частях или «фрагментах, как каждый исторический памятник, но во всей своей цельности…» [Анциферов, 1989, с. 2], что весьма актуально в контексте проблематики культурного кода.

Н. П. Анциферов писал, что «город – наиболее конкретный устойчивый организм», «город дает нам наиболее выразительный образ культуры своего времени», что немаловажно для современных исследований в области гуманитарной урбанистики [Анциферов, 1926, с.

9]. Именно город, как полагал исследователь, хранит мир прошлого, он впитывает «в себя всю историю связанной с ним страны и волею своих граждан превращен в ковчег, в котором содержатся народные реликвии» [Анциферов, 1926 с. 9]. Город как бы передает нам через свои формы и пространство наиболее значимые смыслы, которые зафиксированы в его облике: «былое просвечивается в нем всюду: в направлении его улиц, формах его площадей, в силуэтах его куполов и башен», «все накопленное веками слито здесь в едином целом облике, который доступен каждому из нас» [Анциферов, 1926, с. 9]. Н. П. Анциферов подчеркивает, что познание городской культуры «лежит через внимательное и разностороннее изучение города, который есть исторически сложившийся культурный организм» [Анциферов, 1926, с. 9].

О том, что город есть проекция многих культурных процессов, которые проходят в разные эпохи, позже отмечали и представители так называемого контекстуального подхода в изучении города, акцентирующие внимание на то, что город следует познавать как комплексный объект при учете самых разных контекстов, влияющих на его своеобразие – природных, исторических, культурных и иных. Как отмечает историк Л. Репина, главное, что «объединяло довольно разнородный контингент сторонников контекстуального подхода, это понимание города как частного выражения более крупных систем (цивилизаций, государств, обществ, способов производства) …» [Репина, 2009, с. 25]. «В рамках этого подхода город представал перед исследователем как комплексный объект (или субсистема) в единстве своих многообразных (хозяйственных, административно- политических, военно-стратегических, организационных и других) функций и одновременно как элемент включающей его целостности, как пространственное воплощение ее социальных связей и культурной специфики [Репина, 2009, с. 25–26].

Вторая половина прошлого века ознаменовалась тем, что город стал предметом для исследований во всем мире в контексте самых разных областей науки и знания (культурология, философия, социология, экономика). В это время город рассматривался не только как пространственный объект, но и как семантически репрезентированная среда, сотканная из смыслов, зафиксированных в текстах, символах, изображениях, детерминированных многообразными коммуникативными процессами. И импульсом к такому пониманию города стала семиотика.

В рамках семиотики и актуализировалось понятие культурного кода при изучении города, несмотря на то что исследования отечественных исследователей (прежде всего, подходы к исследованию города в трудах Н. П. Анциферова) во многом предполагали системное исследование ключевых смыслов, посредством которых город «читается», понимается, идентифицируется. Сам концепт «культурный код города» на тот момент не появился, но предпосылки его появления уже были обозначены, и методология познания города как целостного культурного феномена стала постепенно формироваться.

Семиотика открыла возможность трактовать город как текст, который культурно и исторически обусловлен и который подвержен неоднократной интерпретации исходя из семиотических практик познания, поскольку город мы можем как кодировать, так и декодировать. Город, говоря словами Ю. М. Лотмана, представляет собой сложное семантическое пространство, «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [Лотман, 2000, с. 325]. Он пишет, что семиотика города раскрывается в двух сферах: город как пространство и город как имя [Лотман, 2000, с. 320].

Город в настоящем во многом есть проекция прошлого, что делает его генератором новых смыслов, образующихся в синхронном и диахронном взаимодействии: «архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого» [Лотман, 2000, с. 334]. Между тем, как полагал В.

Н. Топоров, город следует изучать с «помощью интуитивного постижения целого, или путем вживания в усваиваемые себе образы…» [Топоров, 2003, с. 7].

С позиции семиотики познание города может быть направлено именно на те смыслы, которые наполняют город значениями во всех его проявлениях и которые являются «объектом постоянного упорядочения и осмысления города» [Лотман, 2000, с. 334]. Именно они и выступают тем, что в своей упорядоченной совокупности образуют культурный код города.

В конце XX века, после доминирования характерных для советской эпохи градостроительных и этнографических векторов научного познания города, «в отечественной науке утвердился взгляд на город как социокультурный феномен, что нашло отражение в целом ряде исследований» [Шабаев и др., 2018, с. 257]. В частности, в исследованиях М. С. Кагана на примере Санкт-Петербурга делается акцент на культуре города и на тех особенностях, которые придают городу особый дух, а саму культуру города он трактует как сложное взаимодействие трех измерений, которые находятся в постоянном перемещении (духовно-человеческое, процессуально-деятельностное, предметное) [Каган, 2018]. Тогда как в восприятии города особое значение, по его мнению, имеют его архитектурный облик и символы.

М. С. Каган предлагает исследовать город во всей его целостности [Каган, 2018, с. 8], как такое социокультурное образование, «все грани которого взаимосвязаны» и их необходимо рассматривать «не порознь, а именно в этой их органической взаимосвязи» [Каган, 2018, с. 12]. В своем труде «Град Петров в истории русской культуры» он осуществляет свою задачу «постичь город в его уникальном целостном бытии и развитии, то есть рассмотреть его как сверхсложную саморазвивающуюся систему» [Каган, 2018, с. 15], где взаимно сочетаются ментальные, предметные и поведенческие аспекты проявления особенностей структурирования культуры города.

Позже активно развиваются отечественные тенденции культурологического осмысления города, которые, в частности, отразились на выходе целого ряда научных работ, посвященных исследованию исторического города [Булыгина, 2017; Веденин, 2022; Веселова, 2009; Воробьева, 2021; Глазычев, 2011; Михалева, 2013] и русского провинциального исторического города. В частности, в ряде исследований [Исторический город, 2009; Исторический город, 2010] город понимается как культурный феномен, для которого особую ценность имеет прошлое, представленное в городской среде в виде архитектурного наследия, культурных традиций, памяти известных личностей. Именно поэтому, как полагает Т. С. Злотникова, город обладает собственной судьбой, душой, поскольку все города уникальны, поскольку «каждый город имеет свою доминанту» [Злотникова, 2015, с. 253].

Научный взгляд на город как социокультурный феномен ознаменовался и исследовательским импульсом антропологического осмысления города, которое проявляется в контексте урбанистической проблематики поиска «соразмерности города и человека» [Смирнов, 2020], исследований «локального текста» города как «системы ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых сюжетов и поведенческих практик, связанных с каким-либо городом и актуальных для сообщества, идентифицирующего себя с этим городом» [Алексеевский и др., 2010, с. 19], антропологического познания символизации городского пространства, формирования «городской среды и функционирования отдельных ее элементов», отдельного города как текста и образов городов в культуре [Разумова, 2010, с. 148]. Такие работы во многом стали следствием актуализации семиотики культуры в научных познаниях города и появления семиотической и антропологической методологии, нацеливающей на выявление тех ключевых смыслов, с помощью которых города «читаются» и идентифицируются.

Подобный взгляд, соответственно, открыл возможность исследования города сквозь призму процессов формирования и образов как способов выражения этих смыслов, являющихся частью коллективных представлений о городе, которые формируются постепенно, впитывая следы прошедших эпох. Знаки города не статичны, а означаемое со временем меняет

свое содержание. Следовательно, город, рассматриваемый как семиотический универсум, хранит и транслирует свое прошлое, фиксируя в знаках и символах следы эпох и «рассказывая» посредством символических средств (в мифах и легендах, в объектах городской среды, в праздничных событиях, в произведениях искусства) о событиях ушедших дней, которые так или иначе связаны с городом. Кроме того, в рамках семиотики сам город получает определенный образ, который мы можем раскрыть через различные символические средства – имидж, бренд, логотип, герб. И город, в конце концов, даже может рассматриваться как личность, о чем еще говорил Вяч. Иванов [Иванов, 2007], в частности, в древнегреческих трагедиях, где мифические герои выражали судьбы городов.

Между тем можно рассматривать культурный код города в целом как отдельный феномен, что предполагает выявление и оперирование смыслами города как явления, обладающего территориальными, экономическими и прочими характеристиками. В таком контексте особенно ценными будут исследования, направленные на поиск универсального культурного кода города, например анализ города как социокультурного явления [Город как социокультурное явление, 1995]. Однако существует и другой аспект исследований культурного кода города, где каждый конкретный город обладает собственным, индивидуальным культурным кодом, благодаря которому мы его читаем, идентифицируем и отличаем его от других.

Такое понимание города открывает перспективу исследований «читаемости» города, когда «города распознаются и складываются в упорядоченную картину» [Линч, 1982, с. 16]. При этом смыслы, с помощью которых мы «читаем» город, приобретают определенную значимость для горожан через восприятие города, в результате которого «физические/материальные объекты, элементы ландшафта приобретают определенный смысл, значимость», маркируют пространство и наделяют его определенными свойствами [Веселкова и др., 2016, с. 16], в том числе вызывая привязанность к месту за счет данных смыслов. В связи с этим в современных городских исследованиях предметом изучения все чаще становится проблема детерминации коллективных представлений о городе, определяющих то, как мы осмысляем, воображаем город. Например, востребованными на сегодняшний день становятся результаты исследований того, как люди воспринимают города в эпоху глобализации [Huyssen, 2008].

Более того, современные исследователи понимают город как сферу «другой природы» [Лисина, 2017] или второй природы, а значит и определенной культуры, объединяющей все многообразие материальных и пространственных проявлений города в едином культурном коде. В этом случае город представляет собой культурный феномен, обладающий определенными признаками, которые во многом обусловлены социальными, этническими, антропологическими, географическими, экономическими и прочими факторами, образующими уникальный социальный «опыт, транслируемый из поколения в поколение», который закрепляется в его памяти [Кузнецова, Петрулевич, 2018, с. 215]. Особенно богаты таким опытом исторические города, в которых нередко запечатлены целые периоды истории, которые мы декодируем, глядя на курганы, храмы, исторические здания.

Поскольку культурный код является системой смыслов, которая через символические средства хранит и транслирует общую информацию о том или ином месте, сообществе, реальности, а его дешифровка представляется способом познания этой реальности, то культурный код города, соответственно, структурируется вокруг города как особого социокультурного феномена. Следовательно, культурный код города представляет собой систему смыслов, которая отражает уникальность города, фиксирует и передает его индивидуальный стиль и идентичность, упорядочивает большое количество информации о городе, которая выражается в образах и фиксируется в знаково-символическом пространстве города.

По мнению Е. И. Спешиловой, сегодня сложились три ключевых подхода к интерпретации культурного кода города. Во-первых, это семиотический, согласно которому культурный код есть способ «“вскрытия” глубинной связи культурного феномена с тем или иным культур-

ным смыслом» [Аванесов 2024, 10]. Такое понятие предполагает, что культурный код – это не смыслы, а некий принцип их чтения, правила чтения, понимания и применения. «Другими словами, культурный код города – это порядок связи означающего с означаемым, где означающее – это объекты городской среды или некоторые артефакты городской культуры, а означаемое – тот смысл, который эти объекты и артефакты транслируют» [Спешилова, 2025, с. 65]. При этом наиболее подходящим способом дешифровки культурного кода города в данном случае следует назвать, как полагает Е. И. Спешилова, семиотическую диагностику [Мелик-Гайказян 2016, 98]. Однако исследователь задает вполне закономерный вопрос – существует ли в этом случае существует некий «верный», «правильный» культурный код города, соответствующий тем смыслам, которые транслируются в городской среде? «Или мы придерживаемся постмодернисткой оптики, согласно которой все варианты осмысления городского текста являются равноправными и все культурные коды оказываются уместными? В этом случае читатель городского текста предстает финальной точкой сборки города как произведения, смыслы которого генерируются в процессе самого чтения, а не являются предзаданными для субъекта» [Спешилова, 2025, с. 65].

Визуальный облик исторического центра Москвы. Из открытых источников

Во-вторых, это антропологический подход, который акцентирует внимание исследователя культурного кода города на субъекте как носителе данного кода и того, кто его применяет в процессе дешифровки городского пространства. Данный подход исходит из особого понимания концепта «код» как систематизированной совокупности знаний, «используемых человеком в процессе постижения законов бытия и формирования личностных представлений об окружающей действительности» [Ступина, 2025, с.138]. Здесь важны процессы интерпретации смыслов, с которыми ассоциируется город со стороны горожан, а также те факторы, которые влияют на эмоциональную сопричастность горожанина к городу, его среде и другим горожанам. Антропологический подход в еще большей мере концентрируется на активной роли жителей города, которые не столько дешифруют культурные смыслы городского текста, сколько производят их самостоятельно и в процессе такого производства смыслов самоопределяются [Смирнов 2021, 21], выстраивают личную траекторию жизни. Культурный код города в этом случае «задает определенный образ жизни, ритм движения по городским улицам и паттерны поведения» [Спешилова, 2025, с. 66].

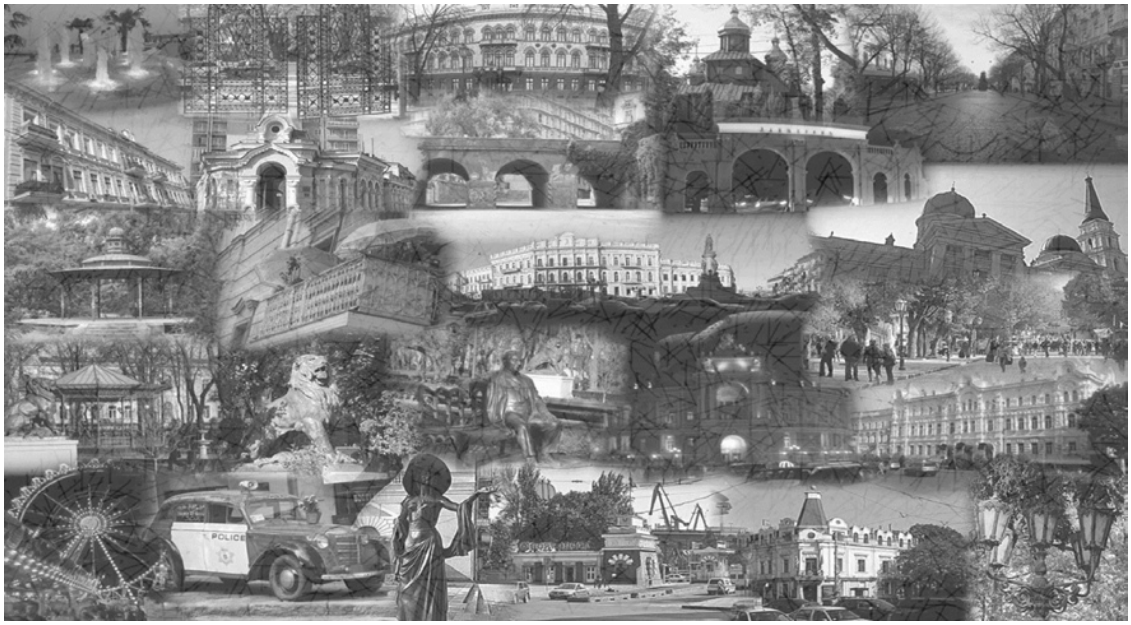
Город и человек: паттерны освоения города. Из открытых источников

В-третьих, это культурологический подход, который не отрицает достижений семиотики культуры и предполагает понимание культурного кода города как определенной системы

«дешифровки и познания каждого конкретного города в индивидуальном контексте» [Федотова, 2022, с. 10]. В данном случае «на первый план выходит выявление некоторых особенных и неповторимых культурных смыслов города, которые связывают и упорядочивают городской текст, делают его уникальным и исключительным» [Спешилова, 2025, с. 64]. Такая позиция в целом отвечает сформулированному в предыдущем параграфе определению культурного кода и предполагает наличие системы культурных смыслов, «которые позволяют читать город, идентифицировать его как именно этот город и выделять среди множества других городов» [Спешилова, 2025, с. 64]. Поэтому доминирующие «культурные смыслы, характерные для Санкт-Петербурга, существенно отличаются от культурных смыслов, свойственных Москве, и, более того, могут рассматриваться как оппозиционные» [Спешилова, 2025, с. 65]. Исходя из данной позиции открывается возможность связывать культурный код города и с памятью как резервуаром значимых для города смыслов, и городской идентичностью как проекцией дешифровки культурного кода города со стороны горожан на основе осмысления и восприятия города через доминирующие смыслы, которые выражаются в образах и кодируются в знаково-символическом пространстве города (в названиях улиц, в памятных местах, в стихах о городе или в городской кухне). Тут же и перспектива связи культурного кода города с символическим капиталом места, когда наиболее уникальные смыслы, заложенные в его культурном коде, могут выступать средством повышения узнаваемости и известности города. Данный подход, помимо прочего, во многом идентичен теоретико-методологической оптике познания города со стороны выдающихся исследователей, в частности со стороны А. П. Анциферова,

который стремился раскрыть «душу города», а также С. М. Кагана, реализовавшего исследование города в его целостности через познание уникальных особенностей города.

Таким образом, культурный код города представляет собой относительно устойчивую систему смыслов, выраженных в образах и зафиксированных в знаково-символическом пространстве города, которая обеспечивает хранение в коллективной памяти и трансляцию наиболее значимых принципов и характеристик города, позволяет осмыслять, дешифровывать город как целое, понимать его уникальность и отличие от других городов. Культурный код города – это его семантическое ядро, которое отражается в образах и хранится в знаках, символах, концептах, текстах города. Знаково-символические средства, через которые мы читаем и познаем города, многообразны, включая те знаковые системы, с помощью которых происходит репрезентация уникальности города, в частности его литературный или архитектурный облик.



Город как коллаж смыслов. Из открытых источников

Если мы рассматриваем город с позиции культурного кода, то его познание приобретает определенную направленность, когда акценты смещаются от изучения отдельных вопросов его функционирования и развития в единый контекст общих смыслов и в структуру взаимосвязанных образов, с помощью которых он воспринимается и переживается. Город – это многоуровневая и массивная конструкция смыслов, которые являются символическими «кирпичиками», из которых складывается его культурный код.

Проводя аналогию с культурным кодом как общим концептом, который был рассмотрен нами в первой главе, раскроем иерархию основных понятий, которые необходимы для теоретического осмысления и исследования культурного кода того или иного города.

Во-первых, знаки и символы как способы кодирования городской реальности, которые фиксируют и хранят культурный код, репрезентируют его через вербальные, визуальные, перформативные, аудиальные, тактильные и прочие семантические каналы передачи информации. Сюда следует отнести многообразные мемориальные места города (например, место памяти сражения за город) или городские нарративы (например, городские легенды), которые мы можем трактовать как те знаковые посредники или символические средства, в которых зашифрована определенная информация о городе посредством цвета, формы, поэзии, мелодии, изображений и так далее.

Во-вторых, данное знаково-символическое пространство города нередко воспринимается человеком через образы, отражающие и выражающие определенные смыслы. Образы города связывают мир смыслов с городской реальностью, они имеют идеальную природу и обеспечивают «схватывание» смысла города за счет его объективации в чувственном или когнитивном аспекте – образ победы города, образ советского прошлого, гастрономический образ, образ гения места, образ купеческой республики. Образы города воображаются, и этот процесс обеспечивает воспроизводство смыслов, соединяющего индивидуальное осмысление города и коллективные представления о городе. В этом случае культурный код города может быть дешифрован через оптику образов, передающих смысловую матрицу города и отвечающих за символическую репрезентацию смыслов в самых разных практиках – в кинематографе, в живописи, в литературе, в городских брендах и символах. Через образы горожане «присваивают» город, читая его семантику.

В-третьих, это культурные смыслы, которые представляют наиболее глубокий или ментальный уровень познания культурного кода города. Через смыслы мы можем раскрыть наиболее значимые принципы и характеристики города, осмыслить город как целое. Смыслы города проявляются в многообразных образах и зашифрованы в знаково-символическом пространстве города. Осмысление города, означает его принятие, понимание, переживание и, как возможный результат, идентификацию горожанина с городом. В процессе осмысления города как тихого, северного, столичного, курортного, древнего или как города мечты, города советской эпохи, города великого поэта, города-победителя, города как места встречи двух материков, города как хранителя средневекового культурного слоя и так далее человек дешифрует город через образы, заключенные в многообразных знаково-символических средствах.

Культурный код упорядочивает смыслы, которые принадлежат к разным историческим эпохам и уровням интерпретаций (от повседневного до философского), к разным носителям информации (вербальные, визуальные, перформативные), когда город воображается как целое. Тогда как прикладное исследование культурного кода города – это всегда дешифровка культурного кода конкретного города. В этом случае исследование будет предполагать попытку выявления тех смыслов, которые участвуют в его восприятии теми или иным сообществами (горожанами, туристами, бизнесменами, властью). Поскольку культурный код имеет ментальную природу, как это было отмечено ранее, и нигде объективно не представлен и официально не зафиксирован, то он не всегда осознается обществом в полной мере, особенно без целенаправленной рефлексии. Тогда как прикладное исследование культурного кода города имеет вполне осязаемый практический эффект, который связан, например, с культурной политикой и выявлением векторов социокультурного развития города, определения способов укрепления городской идентичности.

1.3. Структура культурного кода города

Многогранность культурного кода города, о чем следует из вышеизложенного, во многом обусловлена наличием большого количества информации, с помощью которой город нами воспринимается как целое, а также немалым количеством тех символических средств, через которые эта информация попадает к тому, кто читает, дешифрует, осмысляет город. Действительно, каждый отдельный город представляет собой не только совокупность значимых образов прошлого, воплощенных в городской среде или специфику устройства городского пространства, но и тот набор ценностей и стереотипов, которыми руководствуются в своей деятельности горожане, бизнес, власть, многие другие. Как мы уже отмечали, Юрий Лотман подчеркивал, что город – это «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [Лотман, 2000, с. 325].

Кроме того, и сам концепт «культурный код города» пока теоретически неустойчив. Его концептуальное поле не до конца сформировано в силу новизны концепта и в то же время широты исследовательских концептов, с помощью которых город исследуется посредством антропологических, семиотических, философских, социологических, исторических методик. Чтобы выявить концептуальные контексты культурного кода города, потребуется, в частности, провести его корреляцию с иными концептами, которые связаны с ним, поскольку также направлены на осмысление города и раскрывают особенности его восприятия со стороны общества, горожан, сообществ: «городское воображаемое», «культурная память города», «городская идентичность», «символический капитал горда».

Но перед решением данной задачи и с целью систематизации дальнейших исследований выявим структуру смыслов, наполняющих данный концепт исходя из той или иной исследовательской позиции, что позволит в дальнейшем оперировать выявленными структурными элементами культурного кода города, в частности проводя эмпирические исследования.

Как показывают ученые [Толочко, 2023; Горелова, 2018; Горнова, Федяев, 2022], город воспринимается человеком не только как территория с домами и улицами, с транспортом и пешеходами, а как пространство, наполненное смыслами, которое сформировано из многочисленных образов. Выявление внутренней структуры смыслов, которые лежат в основании данных образов, через которых выражается культурный код города, является, по нашему мнению, одним из направлений его исследования. Данная аналитическая работа позволит определить фактуру относительно устойчивой системы значимых смыслов, участвующих в сохранении культурной памяти, в воображении города, в репрезентации его уникальности с помощью знаков, текстов, концептов, символов, позволяющих воспринимать город как целое. Результатом исследования внутренней структуры культурного кода города может стать матрица ключевых смыслов, что обеспечит единую логику исследований, возможность корреляций и направленность процессам эмпирического познания культурного кода того или иного города.

Важным дополнением в данном случае является тот факт, что культурный код города функционирует на ментальном уровне горожан, а потому не всегда осознается в полной мере. Соответственно, его следует выявлять и актуализировать [Голубь, 2023, с. 14], что позволит определить доминирующие смыслы, которые участвуют в структурировании культурного кода, благодаря которым город осмысляется как целое, а также воображается горожанами или гостями города.

Если речь идет о любом культурном коде, включая и культурный код города, то прежде всего следует определить, кто осуществляет кодирование и декодирование, чтобы прояснить механику образования и функционирования культурного кода. Об особенностях генерирования и трансляции культурного кода города более подробно будет сказано далее, тогда как в данном случае рассмотрим вопрос об уровнях кодирования и декодирования смыслов, через

которые город воспринимается как целое, что имеет непосредственное отношение к структуре смыслов культурного кода города.

Как ранее было отмечено, культурный код города многогранен, и проявляться данный тезис может и в том, что структура культурного кода города будет отличаться в зависимости от уровней интерпретации смыслов, из которых структурирован код. В частности, мы можем выделить: а) экспертный или профессиональный уровень; б) повседневный, обывательский уровень.

Мост в городе Сочи. Фото автора

В первом случае смыслы, которые выражают культурный код города, будут сгруппированы в одной логике, исходя из глубоких знаний эксперта об истории города или его архитектуре. При этом каждый эксперт или профессионал в той или иной области знания представит свою матрицу смыслов, через которую город осмысляется. Следует предположить, что данные смыслы будут обладать широкими контекстами, глубинным характером, включать немалое количество образов и смысловых коннотаций, ассоциативных групп, символических средств, в которых зафиксированы данные смыслы. В частности, историк или культуролог может представлять и транслировать рассказ об улице города как о том месте, в котором сосредоточено множество смыслов, или связать события, происходившие на данной улице с теми известными личностями, которые повлияли на судьбу города, включая культурные или исторические контексты происходивших здесь событий. Тогда как искусствовед покажет мост или арт-объект в городе, через который тянутся смыслы с вековой историей, судьбы людей, тенденции развития определенных направлений в искусстве. Для профессионала тот или иной объект в городе может скрывать массу смыслов, нередко сложных, переплетенных с многочисленными нарративами, связанных с творческими открытиями, имеющих исторические и культурные контексты.

Во втором случае смыслы, с помощью которых образован культурный код, будут носить несколько иной характер, поэтому и их структура будет выглядеть иначе, без того множества смысловых коннотаций, которые возникли бы у того, кто на профессиональном уровне занимается исследованиями города и городской среды. Переходя на уровень обычных жителей города, структура культурного кода города может быть более свернутой, менее глубинной, поскольку горожане оперируют иной культурной рамкой, кодируя и дешифруя город, воображают город иначе и видят другие образы, которые навеяны им встречей с тем городом, который они знают и в котором живут.

Памятник Федору Волкову в Ярославле. Из открытых источников

Вместе с тем данная структура смыслов, из которых образуется культурный код города, отвечает за ту уникальность города, которая складывается на коллективном уровне, а также подкрепляется идентификационными процессами. Нельзя не отметить, что на повседневный уровень культурного кода города безусловно влияет уровень экспертный, поскольку эти уровни взаимодействуют за счет многочисленных внутренних, социальных, культурных, экономических, политических и прочих связей, возникающих в пространстве города. Но на повседневном уровне остаются только наиболее значимые смыслы, во многом детерминируемые экспертами, которые не столько уходят в контекстные слои осмысления города, сколько фиксируют наиболее актуальные для города образы, выражающие ключевые принципы и характеристики города, которые используются горожанами при его понимании и идентификации.

Например, если Ярославль рассматривать как город, который связан с театральной культурой и театральными практиками, то с экспертной позиции этот смысл будет весьма насыщенным и многогранным, выраженным в городской истории и культуре, в многочисленных научных работах, посвященных данному вопросу (театралы, культурологи, историки, искусствоведы). С позиции же горожан данный сгусток смыслов, образованный его театральной культурой, будет связываться, например, с фактом создания первого театра в данном городе или с биографией Федора Волкова. Эти смыслы символически поддерживаются и объектами городской среды – в памятниках, названиях площадей и улиц, а также наличием театральных традиций. Соответственно, в структуру культурного кода Ярославля могут входить разные смыслы, с помощью которых город читается как целое исходя их разных уровней кодирования и дешифровки города.

Между тем, если акцентировать внимание именно на процессе дешифровки культурного кода города, то структурирование смыслов может происходить, например, через мифологиче-

ские и рациональные основания. В частности, мы можем осмыслять город через совокупность мифов и легенд, которые откроют спектр доминирующих смыслов (герои города или основание города, природные объекты города), через которые на ментальном уровне фиксируют значения города, то есть раскрывать мифологический код города. С противоположной стороны, более стройной или научной структурой смыслов будет формироваться рациональное видение культурного кода города. В частности, антропологи, социологи, урбанисты представляют свои контексты дешифровки города, когда, например, руководствуются статистикой поведения горожан или посещаемости культурных мероприятий, популярности объектов городской среды. В этом случае будет раскрыта определенная структура смыслов, связывающая улицы, проспекты, горожан и их ценности.

Наконец, для каждого, кто сталкивается с городом, его осмысление изначально будет разным, индивидуально проживаемым, поскольку человек может ассоциировать город со своими личными переживаниями, встречами, надеждами, обидами, например с самыми лучшими мгновениями или разочарованиями. Однако данный аспект не является предметом исследований культурного кода города, поскольку данная проблематика будет связана с вопросами личного переживания города или восприятия города как субъекта межличностных отношений.

Также здесь отметим, что понятие «жители города» или «горожане» мы рассматриваем весьма широко и обобщенно, без акцента на тех отличиях в восприятии города тех из них, которые принадлежат разным сообществам и субкультурам. Данное направление в исследовании восприятия города с пониманием города как совокупности особых миров или субкультур было раскрыто, в частности, в работах урбанистов Чикагской школы. В связи с этим структура культурного кода города может быть образована исходя из наличия данных городских конгломераций, каждая из которых будет видеть и осмыслять город по-своему.

Таким образом, исследования структуры культурного кода города предполагают разные контексты и направления. Между тем особенно важными являются, по нашему мнению, такие из них, которые связаны с выявлением структуры смыслов культурного кода города через их символическое воплощение в городской среде, иными словами, семиотика города. Другим направлением выявления структуры смыслов, из которых образуется культурный код города, могут быть те сферы их репрезентации, которые выводят на коллективный уровень осмысления города со стороны горожан экспертные мнения – в дискурсе, включая медиа, в культурных практиках, в брендинге и в иных формах представления смыслов в пространстве города.

Между тем, опираясь на некоторые выводы, которые были получены нами в первом параграфе, следует предположить, что на аналитическом уровне внутреннюю структуру смыслов культурного кода города можно представить как минимум исходя из следующих подходов. В качестве оснований структурирования такого рода смыслов исследователи, как мы отмечали, выделяют географические, геополитические и культурно-исторические особенности культурного кода [Мосейко, 2021]. Соответственно, структура культурного кода города может быть представлена, в частности, как совокупность географических и пространственных образов, особенностей взаимодействия с другими городами и ролью города в развитии страны в целом, а также смыслами, зашифрованными в культурно-историческом наследии, в традициях и специфике городской культуры. С позиции других исследователей [Изотова, 2022] культурный код города есть совокупность системы кодов: духовный код города, коммуникативный, природно-ландшафтный, гастрономический код, код повседневности, антропонимический код города. Каждый из этих кодов отражает особенности культуры и значимые смыслы для общества, участвует в идентификации, способствует сохранению памяти города. Кроме того, внутренняя структура культурного кода может быть представлена с точки зрения семиотики исходя из разных способов кодирования информации о городе: визуальные, тактильные, вербальные, аудиальные коды, а также коды обоняния и вкуса [Букина, 2010, с. 237]. Соответственно куль-

турный код города образован совокупностью смыслов, которые знаково закодированы следующим образом:

а) визуально, где культурный код города раскрывается через визуальные знаки городского пространства, включая культурный ландшафт (например, архитектурный код города), а также в визуальных способах репрезентации культурного кода города, в том числе через образы в фотографии, живописи, кинематографе;

б) вербально, то есть через нарративы о городе, образы в мифах, литературе, поэзии, а также через названия улиц и проспектов (например, литературный код города);

в) аудиально или посредством фиксации звуков города, передающих особенности осмысления города, в том числе это шум города или музыка о городе (например, музыкальный код города); г) с помощью запахов и вкусов, в частности через гастрономическую культуру, кулинарные традиции и гастрономические образы или посредством запаха моря (например, гастрономический город города).

Способы структурирования смыслов, из которых состоит культурный код, во многом зависят, как уже было отмечено, от целей и методологии исследователя. В частности, если исследуется культурный код нации или государства, то структура смыслов может быть выявлена через категории национальной идентичности или посредством обращения к культурной памяти нации. В знаково-символическую среду, фиксирующую эти смыслы, входят праздники, литература, символы культуры (официальные или гастрономические), в которых осуществляется репрезентация тех образов, с помощью которых формируются представления людей о данной культуре и ее ценностях. Если выявляется культурный код локальных территорий, включая город, то структура смыслов может быть иной, поскольку в данном случае ключевыми аспектами становятся во многом пространственный аспект и городская идентичность.

Визуальный облик Нижнего Новгорода. Фото автора

Таким образом, рассмотрим ключевые, по нашему мнению, направления структурирования смыслов культурного кода города. Во-первых, культурный код город – это сложная конструкция тех образов, которые возникают как результат генерирования смыслов в разных сферах деятельности: экономической, политической, образовательной, социальной, культурной и прочих. В связи с этим осмысление города как целого может осуществляться исходя из разных сфер деятельности, задающих структурирование смыслов. В частности, экономическая фак-

тура смыслов может проявляться в доминирующих практиках производства той или иной продукции, что накладывает отпечаток на понимание уникальности города, которая нередко выражена в его характеристике – шахтерский город или театральный, город космической отрасли или портовый город. Следует в данном случае отметить тенденцию некоторой свернутости смыслов, поскольку промышленные, социальные, образовательные аспекты редко отличаются уникальностью. Однако это не исключает и наличие специфических практик, которые как раз позволяют подчеркнуть эту уникальность, на основе которой происходит идентификация города. В частности, ключевым смыслом, вокруг которого образуется матрица культурного кода города, может стать университет или сеть университетов, и тогда появляются города, которые мы может называть студенческими, университетскими или городами-университетами.

Гостиница Исеть в Екатеринбурге. Из открытых источников

Во-вторых, весьма перспективным следует назвать исследование культурного кода города через выявление структуры смыслов, образованной через следы различных эпох. Данное направление исследований будет актуально прежде всего для исторических городов, а также городов, имеющих длительную историю своего существования. В России есть города, сохранившие целые кварталы прошлых эпох, но еще чаще и больше города представляют собой настоящий палимпсест, который через разные символические средства выражают слои памяти разных эпох. В частности, культурный код города через специфику культурного ландшафта нередко отражает слои средневекового прошлого, соседствующие со слоями советского или имперского, как например в Великом Новгороде. С другой стороны, культурный код города может быть образован доминированием следов одной эпохи, которая становится системообразующим смыслом, через который и читается город, и позиционируется для внешней среды. В частности, Екатеринбург сегодня иногда ассоциируют со столицей конструктивизма как города, в котором ярко представлен и сохранился советский конструктивизм – направление развития советской архитектуры в 1920-х – 1930-х годах. Одним из ярких примеров екатеринбургского конструктивизма называют здание гостиницы Исеть.

В-третьих, структура культурного кода города может быть представлена в контексте осмысления города через его пространственные характеристики, в частности через восприятие города как совокупности центра и периферии. Здесь актуализируется исследование тех границ, которые делят город на разные районы и вопросов определения принадлежности горожанина к конкретной территории, формирования ценности места, эмоциональной причастности человека к пространству своей жизни. Поэтому «переживание пространства, его восприятие, связанное с культурными, социальными явлениями, в последние годы становится предметом многочисленных исследований: антропологических, урбанистических, философских» [Троицкая, 2020, с. 347]. В последние десятилетия появились и новые аспекты в изучении восприятия города со стороны горожан. В частности, существуют исследования, в которых показано, что горожане осмысляют свой город, основываясь на представлениях о центре и периферии как символических составляющих социального пространства современного города [Парамонова, 2009]. В связи с этим город как целое нередко осмысляется как пространство, которое образовано, например, историческим или административным центром (тут многое зависит от особенностей города) и другими районами, в частности промышленным, спальным, деловым и так далее.

В-четвертых, структура культурного кода города может быть представлена как результат взаимодействия самых разных факторов, которые влияют на генерирование тех смыслов, которые отвечают за его индивидуальность. Сюда можно отнести различные основания для структурирования культурного кода города, которые выявляются учеными при исследовании города как культурного феномена. Как показывают отдельные исследования, на формирование культурного кода города оказывает влияние, в частности, геополитическое положение города, его международные связи [Мусалитина, 2023] или культурные практики, например открытие музейных центров или мемориальных комплексов [Зыкова, 2024], а также наличие исторических зданий и способы их интеграции в городскую среду [Самогоров, Зубкова, 2024].

Исторический центр Выборга. Фото автора

Культурный код города образуется нередко под влиянием художественных произведений, посвященных ему. Например, город живет на холстах художников и фотографиях, в киноленте и литературе. Так, исследования культурного кода в работах живописцев Мариуполя позволили выявить такие его аспекты, как архетипы инверсии времени и геометрической абстракции, а также формирующие его образ христианские коды [Галущак, 2015]. Показательны в данном случае исследования, демонстрирующие литературный код города через анализ про-

изведений писателей. Так, изучение лондонского культурного кода, которое было проведено путем анализа советской литературы первой половины XX века, «дает возможность говорить о многообъемном смысловом пространстве лондонского городского текста» [Воробьева, 2015]. Целый блок исследований культурного кода города занимает семиотика города, где исследователи [Плавинская, 2024; Спешилова, Аванесов, 2023] дешифруют те или иные элементы городской среды, фиксируя тем самым структуру доминирующих смыслов, посредством которых город нами воспринимается.

Особенно важное значение в данном контексте имеют для нас результаты исследований М. С. Кагана, который в своих работах также обращал внимание на специфику познания города как целого, как культурного феномена. Он ставил для себя задачу выявления факторов, которые являются необходимыми и достаточными для существования города как особого типа культуры [Каган, 2018]. М. С. Каган называет их системой координат, позволяющей осмыслить город как целое. В эту систему, по его мнению, входят следующие факторы.

1. Прежде всего, это географический или природный фактор, который во многом детерминирует своеобразие культуры города. Он «включает в себя и климатические условия, и характер ландшафта, в который вписан город» [Каган, 2018, с. 18], включая реки, горы, равнины. М. С. Каган подчеркивает, что, например, природные особенности Санкт-Петербурга, его возведение на берегу Финского залива и сырой климат, а также белые ночи во многом предопределили и облик города, и психологию петербуржцев.

2. Своеобразие города определяет социальный статус и характер основной деятельности горожан: «очевидны различия в характере повседневной жизни столицы и провинциальных городов – скажем, промышленного Челябинска, торговой Одессы, военно-морского Севастополя, университетского Тарту, курортного Сочи…» [Каган, 2018, с. 19].

3. Особенно важной для нас характеристикой города, определяющей его уникальность, как считает М. С. Каган, является архитектурный облик города. Ученый обосновывает свой аргумент следующим тезисом: «Одно упоминание имени Парижа или Лондона, Венеции или Рима, Афин или Стамбула, Киева или Новгорода вызывает в нашем воображении прежде всего представление о его пространственно-пластической структуре, архитектурном образе» [Каган, 2018, с. 20]. По мнению М. С. Кагана архитектура влияет на сознание города со стороны горожан.

В-пятых, структура культурного кода города может быть раскрыта исходя из представлений горожан и их возможностей понимать, читать, идентифицировать города. Особенности восприятия города горожанами нередко становились объектом исследований как в рамках изучения города через его образ (например, в исследованиях К. Линча образ города изучается через ментальные карты горожан), так и в контексте особенностей воображения города современниками (например, Э. Соджа раскрывает специфику того, как воображаются города современными горожанами). Кроме того, в рамках семиотики также существует устойчивая позиция о том, что культурный код города генерируется теми, кто является его носителем, то есть человеком, поскольку только он способен наделить смыслом окружающее пространство и декодировать заложенные смыслы. В качестве источника получения информации о культурном коде каждого конкретного города могут служить исследования представлений горожан о своем городе, в основу которых берется предварительно выявленная структура смыслов исходя из методологической позиции исследователя и, соответственно, значимости обозначенных выше исследований.

Панорама Челябинска. Из открытых источников

Таким образом, структура культурного кода города может быть представлена исходя из различных подходов и исследовательских фокусов, которые являются определяющими для дальнейших исследований. Кроме того, выявление структуры культурного кода города, как мы полагаем, является предварительным исследовательским шагом, который задает основу для исследователя, поскольку совокупность доминирующих смыслов, посредством которых мы осмысляем каждый конкретный город, будет отличаться, ведь каждый город уникален.

Между тем наличие определенной структурной композиции культурного кода города может стать инструментом для произведения эмпирических исследований с целью определения наполненности данной структуры смыслов в каждом конкретном городе, что позволит определить его уникальность, своеобразие, отличимость, выявленную в результате тех или иных эмпирических срезов.

Обобщив изложенный материал с акцентом на ряде аспектов, которые связывают культурный код города с городской идентичностью и осмыслением города со стороны горожан (в том числе проведенные нами исследования городской идентичности), а также учитывая исследования факторов, влияющих на структурирование культурных смыслов, из которых образуется культурный код города, включая исследования в данном направлении М. С. Кагана, мы предлагаем в качестве структуры культурного кода города рассматривать следующие аспекты.

1. Природа и география

Смыслы, образованные природно-климатическими и географическими особенностями города (природный код города) сегодня рассматриваются как наиболее репрезентативные в формировании устойчивых образов, которые передают душу города и его уникальность. Географические аспекты города закладывают в содержание его культурного кода такие коннотации смыслов, которые образованы следующими понятиями: горный, южный, северный, приморский, дождливый. Природа как культурный код часто маркирована в знаковых практиках репрезентации российских городов – от топонимики до мифологии. Элементы природы присутствуют в названии городов (Гусь-Хрустальный) и в логотипах городских брендов и гербов (медведь на гербе Великого Новгорода), используются в народных промыслах (гжель), присутствуют в мифах, становятся героями городских фестивалей («Волшебный лед» Краснояр-

ска). Как отмечают исследователи, «расшифровка информации, заключенной в культурном коде, возможна во многом благодаря анализу природной составляющей изучаемой территории» [Вьюгина, Авдонина, 2021, с. 8].

2. История и память

Культурный код города во многом раскрывается исходя из специфики исторических событий, которые связаны с городом и которые являются наиболее значимыми, а соответственно, входят в культурную память города (исторический код города). Следы исторического прошлого, безусловно, отражает городская среда, где архитектурные здания транслируют дух эпохи – советской, средневековой, античной. В частности, культурный код Великого Новгорода маркирован средневековой эпохой, а Санкт-Петербурга – эпохой Возрождения. Некоторые исторические события могут доминировать в культурном коде города, невзирая на скрытый потенциал прочих. Так образован культурный код Волгограда как города воинской славы, несмотря на то что жители города считают идентичность города-героя одной из возможных, включая также «репрезентацию образов досоветского прошлого и, прежде всего, обращение к истории Царицына» [Шипицин, 2016, с. 93].

Панорама Волгограда. Из открытых источников

3. Пространство и архитектура

Культурный код города нередко несет в себе пространственные характеристики, отражающие и особенности взаимодействия городских сообществ, и особенности визуального восприятия города (пространственный код города, архитектурный код города). Сюда относится горизонтальная (центры и окраины, широта улиц и проспектов), вертикальная структура города, планировочные особенности строения улиц, включая архитектурные. В частности, вертикальный город представляет собой совокупность функциональных ярусов (общественный, жилой, транспортный), включая подземный и надземный уровни и их концептуальное наполнение, этажность застройки города. Современные исследователи, изучающие крупные города, констатируют, что уязвимость вертикальной структуры города

«заключается в возникновении проблем функционирования связей, обусловленных… вытеснением жизнедеятельности на парящие в воздухе платформы, ведущие к ограничению области взаимодействия человека с человеком и человека с природой» [Камалова, 2021, с. 105]. Кроме того, городское пространство изначально «таит в себе противоречия и конфликты: центр и окраины, нищета и богатство, конфликт поколений» [Булыгина, 2017, с. 86], поскольку «превращается в место размещения производства и потребления» [Социальное пространство, 2015, с. 30].

4. Гении места

На культурный код города накладывает отпечаток символическая связь с известными личностями, которые так или иначе к нему причастны (код известных личностей). Персонифицированные городские знаки, встраиваемые в культурный код города, весьма разнообразны: исторические деятели (Ярослав Мудрый в Ярославле), писатели и поэты (Лев Толстой в Ясной Поляне или Сергей Есенин в Рязани), сказочные персонажи (Дед Мороз в Великом Устюге). Известная личность города часто рассматривается как «гений места», поскольку наполняет город своим значением. Сохранение подобного культурного кода обеспечивается процессом актуализации связи известной личности с местом посредством различных практик, включая и официальный уровень, когда «данная связь закрепляется через присвоение имени “гения места” объектам городского пространства (улицы, площади, памятники, школы и т.д.)» [Замятина, Замятин, 2007, с. 66]. Гении места способны притягивать людей за счет своей значимости, они создают определенные впечатления о городе, насыщают семиотику города дополнительными значениями, и мы воображаем город посредством присутствующих в городском пространстве «следов памяти» гения места, связанных с его биографией, особенностями характера, достижениями, драмами, успехами, утратами. Гении места могут различаться в зависимости от характера той деятельности, которой они прославляют данный город: вымышленные персонажи: литературные герои, герои мифов, легенд, сказок (Садко в Великом Новгороде, Медный всадник в Санкт-Петербурге); исторические деятели (князь Владимир во Владимире); творческие личности: музыканты, театралы (Сергей Рахманинов в Великом Новгороде, Федор Волков в Ярославле); писатели и поэты (Сергей Есенин в Рязани, Лев Толстой в Ясной Поляне); ученые, философы, изобретатели (Иммануил Кант в Калининграде).

5. Символы, статусы

Наконец, ядром культурного кода города являются ключевые символы, отражающие наиболее общие смыслы города, непосредственно отражающие суть города, его идею и душу, передающие его характер и уникальность. С одной стороны, символы города нередко изображены на официальных знаках, куда относятся герб и флаг, с помощью которых осуществляется репрезентация наиболее значимых образов города посредством изображений, цветов и форм. Часто города используют изображения животных (львы, орлы, олени). Так, на гербе Великого Новгорода изображен медведь как символ силы и мудрости. С другой стороны, ключевые смыслы города используются в создании городских брендов, когда визуализируют в логотипах самые важные для города образы, например, образы города как родины православия, как города закатов или как города, в котором зародились те или иные традиции российской культуры. Сюда же следует отнести звания, статусы и прочие характеристики города, которые передают его уникальность. Например, это города «Золотого кольца», «Города-университеты», «Города-герои» или города, имеющие статус столицы (культурная столица, третья столица, столица Сибири). Каждый из этих статусов имеет определенную семантику, отсылающую к конкретным образам, через которые данный город нами осмысляется и воспринимается.

В завершении отметим, что «культурный код, не являясь постоянной величиной, достаточно динамичен и меняется под воздействием различных событий, коммуникативных практик и социокультурных кодов горожан» [Норманская, 2023, с. 15]. Культурный код города не статичен, он меняется под влиянием самых разных факторов, поэтому в структуре культурного

кода могут происходить изменения, когда одни смыслы будут уходить на латентный уровень при актуализации других.

1.4. Культурный код города и городская идентичность

Культурный код города, как было отмечено выше, можно рассматривать с разных позиций, приближая каждый из аспектов и уделяя ему больше внимания при исследовании доминирующих смыслов, с помощью которых город нами представляется, переживается, воспринимается. Один из таких аспектов связан с проблематикой осмысления города со стороны горожан, когда исследовательский фокус смещен на изучение именно тех, кто осуществляет кодирование и декодирование города в том или ином контексте. Именно горожане являются ключевыми участниками процессов кодификации городской реальности, хранителями культурного кода города, его трансляторами и интерпретаторами. Однако данный контекст весьма широк и включает в себя, помимо вопросов воображения города (о котором речь пойдет далее) или особенностей восприятия города и его дешифровки, еще и процессы идентификации горожан.

Ключевым тезисом данного параграфа является утверждение о том, что культурный код города тесно связан с городской идентичностью, поэтому следует раскрыть данную связь и определить отличия одного концепта от другого. Следует вначале предположить, что те смыслы, вокруг которых у горожан строится отождествление с городом и эмоциональная сопричастность с местом проживания, а также осознание уникальности и отличимости города от многих других, лежат и в основе культурного кода города. Но что такое городская идентичность и как она связана с культурным кодом города?

Научный интерес к исследованиям культурного кода города и городской идентичности обусловлен во многом так называемым «дефицитом уникальности», который возникает как социокультурное следствие глобализационных процессов и последствий информатизации общества. Такая ситуация во многом объясняется теми «разрывами», которые характеризуют современное общество, где кризис идентичности стал одним из маркеров сегодняшней реальности. Кроме того, данные процессы также вызвали актуальность исследований культурных оснований функционирования локальных сообществ, которые бы обеспечивали их самосознание, формировали лояльность жителей к месту своего проживания, предотвращали отток молодых и талантливых жителей, а также привлекали целевые аудитории для решения самых разных задач развития территорий.

Теоретик современности Мануэль Кастельс неслучайно отмечает динамичный рост актуальности изучения локальных идентичностей, особенно в условиях информационного общества. Он подчеркивает, что «когда мир становится слишком большим, чтобы быть контролируемым, а социальные субъекты стремятся уменьшить его обратно до осмысляемого размера… тогда люди стремятся … вспомнить свою историческую память» [Castells, 2010, p. 69]. Кроме того, в России на фоне кризиса советской идентичности «поиск новых оснований самоопределения» оформился в две тенденции: вектор динамики российской идентичности оказался направленным в транснациональное поле, а также «произошла актуализация локальных, партикулярных оснований идентичности» [Малыгина, 2018, с. 112]. В данном случае актуализировались не только региональная, но и городская идентичность как социально-культурный фундамент причастности человека к локальному сообществу и к территории.

Анализ научных работ, посвященных исследованию городской идентичности, показал, что ее осмысление происходит в рамках концептов «коллективная идентичность», «социальная идентичность», «территориальная идентичность» («идентичность места»). Действительно, городская идентичность является, прежде всего, коллективной идентичностью, которая базируется на «чувстве принадлежности к определенной группе (или группам)», благодаря которой мы «делим людей на тех, кто принадлежит к нашей, внутренней группе, и тех, кто представляет группы, внешние по отношению к нам» [Коржков, 2010, с. 114]. Отсюда следует, что проявлению городской идентичности будет способствовать встреча с представителями других горо-

дов. Нередко исследователи подчеркивают, что городская идентичность является социальной идентичностью [Микляева, Румянцева 2011], основанной на «групповых ценностях, социальных нормах, стереотипах, поведенческих паттернах» [Дягилева, 2013, с. 55].

Вместе с тем городская идентичность является идентичностью территориальной [Fedotova, 2017], поскольку именно территория города задает ключевые смыслы, благодаря которым мы отличаем один город от другого и выявляем наиболее значимые для нас характеристики города – городскую архитектуру, природу города и так далее. Любая территория, включая и город, является фактором, который обеспечивает осознание горожанами ее отличительных аспектов. В европейских исследованиях проблематика территориальных форм идентичности сложилась вокруг понятия «идентичность места» – «place identity» [Proshansky, 1987; Lalli 1992; Hauge, 2007], где локальное место становится источником ассоциаций и аккумулятором местных смыслов.

В рамках данных исследований сложились и научные школы исследования городской идентичности, понимаемой как особого рода территории, которую ученые определяют по-разному, чтобы показать важность среды в определении ее специфики. В частности, в рамках исследования процессов идентификации ученые вводят концепт «urban-related identity» или «идентичность с городом» (дословно – «связанная с городом идентичность»), чтобы подчеркнуть связь личности с городской средой. Такие формулировки актуализируют проблематику взаимодействия индивида и города, а также открывает перспективу изучения чувства места, возникающего под влиянием символических средств, обеспечивающих привязанность к месту [Lalli, 1992, p. 285–303].

Город во всем его многообразии действительно является основанием для возникновения различных чувств, эмоций, переживаний, поскольку «горожане воспринимают не только комфортность и содержание окружающей среды, но и город в его символических значениях» [Недосека, Ануфриева, 2015, с. 24]. Архитектура города, его природа, строение улиц и многие другие его пространственные характеристики являются важнейшим источником символических связей, которые возникают между горожанами и городом. Человек, проживающий в городе,

«тотально включен в пространство города» [Горнова, 2019, с. 17]. При этом сам город представляет собой пространственно-структурированную форму совместного существования людей или, другими словами, созданную людьми среду обитания, основной каркас которой образуют результаты деятельности человека – «городские здания, сооружения, большая и малая городская архитектура, пространства пешеходного и транспортного движения, которые выступают как символы, носящие определенные значения» [Недосека, Ануфриева, 2015, с. 23]. Эта знаковая среда обитания есть результат кодирования городского пространства, и доминирующие смыслы, зафиксированные в этих знаках, составляют культурный код города.

Екатерининский дворец в городе Пушкин. Фото автора

Культурный код города через ценность конкретных идентификационных маркеров городского пространства формирует то, что исследователи называют чувством места [Жердева, 2015]. Чувство места (города – в нашем случае) обеспечивается именно «физически построенной тканью, которая хранит как личную, так и культурную память» [Hussein et al., 2020, p. 264]. Отсюда появляется еще один срез исследований, который связан с эмоциональным переживанием города, спецификой ценностного отношения горожан к местам города, которые

способны вызывать целый спектр чувств и переживаний, например места любви, скуки или тревоги [Эллард, 2016].

В связи с этим в основе городской идентичности лежит символическая связь между горожанином и городом, которая формируется благодаря тем смыслам, с помощью которых человек отождествляет и различает свой город, а также чувствует причастность, привязанность к городу. Говоря иначе, городская идентичность формируется на символическом уровне, в ходе производства репертуара значений, с которыми сталкивается человек при взаимодействии с городом в рамках интеграции «временных и пространственных координат существования человека на конкретной территории» [Шуб, 2022, с. 16]. Такого рода связь держится на символической основе, т.е. отождествление с городом («я» – «город») возникает и функционирует во многом благодаря значимым для человека культурным смыслам, в том числе, тем, которые составляют культурный код города.

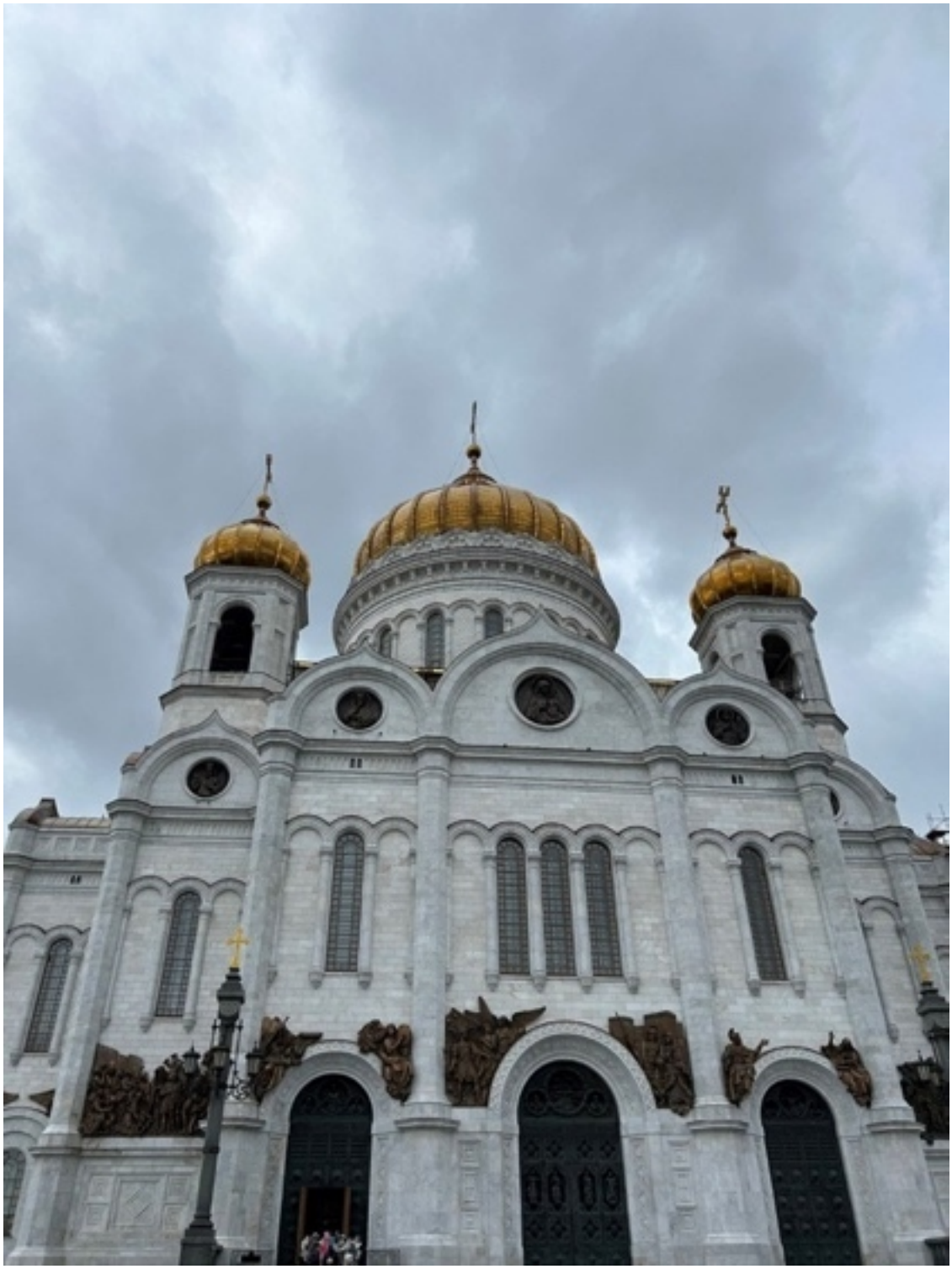
Возвращаясь к коллективной идентичности, заметим, что, по мнению Дж. Александера, показавшего значимость в современном мире мифов, кодов и символов, «идентичности постоянно конструируются и обеспечиваются не только посредством встречи лицом к лицу с настоящим и будущим, но и посредством реконструкции более ранних периодов жизни сообщества» [Александер, 2013, с. 297]. Поэтому большую роль в процессах идентификации горожан играет культурная память города, хранящая и поддерживающая наиболее значимые для современников образы городского прошлого.

Кроме того, для функционирования любого типа коллективной идентичности, включая и городскую, определенное значение имеет различение «своих» и «чужих», которое также происходит на основе различных культурных и социальных факторов и осознания отличий от «чужого». В исследованиях Мишель Ламонт, изучавшей механизмы формирования символических границ сообществ, показана относительность коллективной идентичности, отделяющей «своих» от «чужих». Эта относительность обусловлена ограниченным «культурным репертуаром, к которому люди имеют доступ, и структурным контекстом, в котором они живут»; отсюда, границы различения сообществ основаны на процессе конструирования значений из репертуара доминирующих смыслов [Lamont 2002, p. 171]. Иными словами, городская идентичность складывается в ходе символического производства культурных смыслов, она сконструирована из репертуара тех значений, с которыми сталкивается человек и которые лежат в культурных основаниях различия «своих» и «чужих», «нас» и «их».

Между тем тематика исследований городской идентичности в последние годы весьма разнообразна. С одной стороны, часть таких исследований выполняется в рамках решения политических и социальных проблем развития городов. Так, целью одного из исследований московской идентичности стало выявление ее консолидирующей роли и ценностных оснований, способных поддержать интеграцию москвичей и способствовать достижению позитивных гражданских целей [Вендина, 2012]. Также можно упомянуть масштабный проект коллектива авторов по исследованию локальных идентичностей в ряде городов России (Владимир, Ростов-на-Дону, Ярославль и пр.) как основы формирования устойчивых местных сообществ в рамках проблемы повышения уровня социального доверия и солидаризации [Крупкин, 2014].

С другой стороны, нередко такого рода исследования сосредоточены вокруг поиска уникальных культурных оснований, которые позволяют укрепить символическую связь между горожанином и городом с помощью значимости тех смыслов, через которые город воспринимается и отождествляется его жителями. Так, исследователи отмечают, что внутреннее восприятие города имеет важное значение для создания позитивного отношения к городу и усиления связи между жителями, которое «может служить для выстраивания комфортной, привлекательной жизненной среды горожан» [Чернявская, 2013, с. 76]. Специалисты подчеркивают, что городская идентичность во многом держится на переживании горожанами своей связи с городом, на чувстве «сопричастности к городу и его жителям» [Горнова, 2019, с. 12], которая

формируется нередко за счет привязанности к значимым для горожан зданиям и сакральным местам города.



Храм Христа Спасителя. Фото автора

Отсюда актуализируются исследования, направленные на выявление позитивных аспектов идентичности, определение тех смыслов, которые обеспечивают городу «отличимость», а также личностное присвоение, переживание и «измерение» города. Следует в этой связи

подчеркнуть, что важной проблемой сегодня является кризис городской идентичности, который состоит в нарушении механизма воспроизводства социально-городских связей, связан с «отчуждением человека от места его обитания» [Шуб, 2022, с. 13]. Кроме того, мы солидарны с мнением о том, что городская идентичность как «естественное ощущение своей связи с городом, эмоциональное отношение к факту собственной соотнесенности с городом и его жителями…» [Горнова, 2018, с. 4] мало изучена именно с позиции «учета города как особой социально-пространственной среды, имеющей свои закономерности, качественно отличающие город от всех других видов поселений» [Правоторова, Кондратьева, 2018, с. 70].

Данная проблема приобретает все большую популярность в европейских исследованиях, где изучается ресурсный потенциал локальных форм идентичностей, корреляции между прочной идентификационной матрицей и успешным развитием территорий. Так, итальянские ученые полагают, что «территориальные формы идентичностей являются движущей силой в развитии места» [Pollice, 2003, p. 115] и отмечают важность для местных сообществ постоянной поддержки и укрепления чувства сопричастности с местом, которое становится основой для экономических стратегий и имеет позитивный эффект на социальную среду. Кроме того, преобразование города невозможно без учета городской идентичности. Чарльз Лэндри обоснованно замечает – «чтобы изменить город, необходимо присутствие городского самосознания, гордости за свой город, ощущение принадлежности к нему» [Возрождение городов, 2000].

Следовательно, городская идентичность рассматривается учеными как социокультурный детерминант внутреннего микроклимата города, поскольку напрямую влияет на чувства привязанности горожан к месту своего проживания, что, в свою очередь, может влиять на предотвращение оттока молодых и талантливых жителей из российских городов. В данном случае особенно актуальными становятся исследования идентификационных кодов, способных укрепить городское самосознание, повысить уровень причастности горожан к своему городу, сформировать устойчивые и позитивные ассоциации с местом проживания, поскольку все эти аспекты являются факторами развития городской идентичности, внутренний потенциал которой тесно связан с локальным патриотизмом [Федотова, Городская идентичность, 2024].

Действительно, городская идентичность играет существенную роль в формировании патриотических ценностей, и это подтверждают результаты исследований. В частности, в изучении патриотических чувств молодежи Томска исследователи показали, что «решающую роль в самоидентификации молодежи в Томской области играют такие группы, как семья и друзья, …реже респонденты идентифицируют себя с макрообщностями демографического (молодежь), территориального (жители города, области) и державно-народного (сибиряки, россияне) типа» [Афанасьева, 2012, с. 137]. Популярным среди молодых людей «стало определение Родины посредством формальной апелляции к месту рождения или проживания – его придерживается 31 % молодежи Томской области» [Афанасьева, 2012, с. 138], где понятие «Родина» в большинстве случаев имеет измерение, связанное с территорией проживания. На основании этого ученые предлагают использовать малоизученный концепт «локальный патриотизм», одним из маркеров которого может быть установка готовности уехать из своего региона. Проблематика локального патриотизма, как утверждают исследователи, тесно сопряжена с вопросами локальной и региональной идентичности [Розанова, 2017, с. 355]. В связи с этим очевидно смещение акцентов в локальном патриотическом дискурсе, когда фокус исследований предполагает использование патриотических ценностей как социокультурного фактора, участвующего в процессах формирования чувств причастности горожанина к городу как месту своего проживания.

Локальный патриотизм за счет символической привязки к территории более предметен и осязаем, чем национальный, и его особенность, помимо традиционных патриотических ценностей, заключается в ценности места и значимости культурных смыслов, которые образованы уникальностью данной территории, в том числе и территорией города, его героев, символов,

событий [Федотова, Культурная память города: особенности…, 2023, с. 157]. По отношению к городу локальный патриотизм неотъемлемо связан с городским самосознанием и чувством долга перед городом, которое нередко основывается на тех смыслах, которые лежат в основании культурного кода города. При этом уровень и специфика локального патриотизма во многом зависят от того, насколько устойчивы и позитивны культурные смыслы города. Нарративы, события, памятники, художественные тексты, передающие особенности города, его уникальное прошлое или связь с известными личностями (героями) способны вызывать гордость и патриотические чувства у горожан.

Кроме того, городская идентичность, сформированная на основе уникальных смыслов, может быть ресурсом в процессе создания привлекательного и узнаваемого образа города, а также рассматриваться как конкурентное преимущество территории. «Идентичность города всегда аутентична» [Согомонов, 2010], поэтому города стремятся найти и подчеркнуть свою исключительность через актуализацию аутентичности, т.е. через имидж, бренд или узнаваемый образ, что позволяет вызывать положительные аспекты в восприятии города. Подобная позиция в целом характерна и для тех специалистов, исследования которых основаны на поиске уникальных характеристик города, которые можно использовать в возможностях преобразования территории. Так, исследователи конкурентоспособности места определяют идентичность территории как «набор уникальных характеристик или совокупности смыслов, которые имеются на территории» [Govers, 2009, p. 14].

Герб Владимира. Из открытых источников

Что влияет на формирование городской идентичности? М. Кастельс в своей работе «Власть идентичности» пишет, что «все идентичности конструируются», однако реальная проблема состоит в том, каким образом, от чего и от кого это происходит [Castells, 2010, p. 7]. Как показывают исследования, на структуризацию идентичности оказывают определенное воздействие внешние факторы – политические, экономические, демографические, экологические и пр. Так, высокий уровень жизни будет определять и степень привязанности к городу. В современных исследованиях представлены различные классификации факторов, определяющих специфику городской идентичности. Так, исследователи выделяют стабильные факторы (местоположение, климат, история города), изменчивые факторы (размер и население города, внешний облик города, культурные традиции и пр.) и символические факторы [Визгалов, 2001, с. 39]. Что касается символических факторов, то среди них отмечаются образ города, знако-

вые места города, локальные мифы и истории, городской символ [Дягилева, 2013, с. 56–57], которые поддаются целенаправленному воздействию. Среди них – герб города, символически закрепляющий и транслирующий в визуальном исполнении ключевые характеристики города.

В ряде исследований нередко подчеркивается значимость контекстов, актуализирующих привязанность к городу, которые представлены преимущественно через анализ субъективных категорий идентификации. Предполагается, что такие контексты могут усиливать процесс идентификации, например в ситуациях столкновения или встречи горожанина с «другим», когда отчетливо проявляется отличие города и отождествление его с определенными элементами. Так, среди подобных контекстов исследователи отмечают путешествия, спорт, природу, осознание социальных, экономических, экологических, культурных, политических проблем территории [Анисимова, Ечевская, 2012, с. 93–95]. Или, например, при исследовании пермской идентичности специалисты приходят к выводу, что «главным фактором, позволяющим большинству людей приписывать себе “пермскость”, является значительный срок проживания в городе и место рождения» [Игнатьева, Лысенко, 2014, с. 46], но также важны и социальные отношения, связанные со значимыми личностными достижениями человека и важными событиями его жизни.

Эмпирические исследования городской идентичности позволяют также раскрыть ее смысловую структуру и выявить особенности ее проявления в каждом конкретном городе. В частности, для нашего исследования особенно важным является тот факт, что в структуру городской идентичности нередко исследователи включают те смыслы, вокруг которых происходит идентификация горожан, что связывает данный феномен с культурным кодом города. В частности, в ходе эмпирического анализа городской идентичности во Владимире, Смоленске, Ярославле среди структурных элементов исследователи отметили представления горожан о локальной географии, значимые места города, предметы гордости (значимые события), пантеон героев, главные мифы, представления о структуре городского сообщества, ритуалы воспроизводства идентичности (праздники, мероприятия) и пр. [Крупкин, 2014, с. 34].

Соборная гора. Смоленск. Из открытых источников

Помимо этого, эмпирические исследования городской идентичности, которые мы провели в Великом Новгороде в 2016 году (с помощью структурированного интервью с 53 жителями города с квотой по возрасту, полу и времени проживания в городе и экспертного опроса с лидерами мнений в области городской власти, медиа, бизнеса, науки), демонстрируют, на каких основаниях формируются символические связи между горожанином, другими горожанами и городом, а также формируется чувство сопричастности горожанина с городом.

В коллективных формах идентичностей большую роль играет чувство сопричастности с другими людьми, причастными к данному коллективу, а также осознание отличительных качеств данного сообщества. Как показали результаты исследования, жители Великого Новгорода не отличаются ярко выраженными особенностями, что в целом характерно для городской идентичности, в отличие от национальной. Однако некоторые аспекты такого рода отличий все же существуют. В частности, больше всего, согласно проведенному исследованию, новгородцев отличает уважение (любовь) к древней истории города, тогда как сами себя новгородцы охарактеризовали так: образованные / любознательные / читающие; добродушные / доброжелательные; гостеприимные / радушные; спокойные / неторопливые.

При выявлении оснований, на которых формируется чувство сопричастности с городской средой, нами были получены следующие результаты. Большинство респондентов считает, что их город является Родиной или малой Родиной (упоминание в 43 % ответах). Новгородцы привязаны к городу потому, что это место, в котором они родились и живут, а также чувствуют себя частью данной территории. Следует заметить, что чувство локальной принадлежности, основанное на идентификации с малой Родиной, является весьма популярным в исследованиях и других городов. На втором по частоте упоминаний месте группа таких ответов, которые в качестве причины привязанности к городу указали атмосферу и характеристики города («красивый город», «здесь очень уютно и красиво», «маленький и благоустроенный», «очень спокойная, добрая атмосфера», «зеленый», «туристическая атмосфера»). В третью группу ответов попали такие, в которых респонденты чувствуют сопричастность к городу по причине проживания на территории значимых для них людей («близкие», «родные», «интересные» и пр.) или иным причинам осознания значимости города – привычка, место для реализации, место, в котором прошло детство и реализовались самые важные события в жизни. Чуть реже жители города (упоминание в 15 % ответах) указывали на уникальность территории и отождествление Великого Новгорода с его историко-культурной ценностью, («большое количество памятников», «это древний город с богатой культурой»). Такого рода основания для идентификации горожан основаны на культурном коде города.

Основанием для гордости новгородцев, как показало исследование, является подвиг города во время Великой Отечественной войны («поднимали из руин», «город воинской славы», «героизм новгородцев»). Следующими по частоте упоминания стали такие основания для гордости, как наличие уникальных памятников («памятники ЮНЕСКО», «много памятников», «в городе редкие памятники»); культурное наследие («у нас сохраняются традиции», «наличие культурно-исторического наследия», «особый культурный дух в городе»); Ганза и фестиваль «Ганзейские дни» («проводятся Ганзейские дни», «Ганза», «город входит в Ганзейский союз»). Также новгородцы отмечали в своих ответах, что гордятся городом, потому что это древний город, тут родина развития радиоэлектронной промышленности, место, где развивается археология и сохранился уникальный культурный слой.

Таким образом, городскую идентичность и культурный код города, с одной стороны, объединяет символическая природа. Оба феномена функционируют через наличие осознания и принятия значимости определенного репертуара культурных смыслов, на основе которых происходит как идентификация горожан с городом, так и осмысление города как целого. Причем чем более уникальными являются данные смыслы, тем больший потенциал имеет культурный код города за счет их выраженности и индивидуальности, а также более крепкие символиче-

ские связи возникают между горожанином и городом в процессах идентификации. Однако идентификация предполагает и иные основания, которые не всегда связаны с культурным кодом, когда эмоциональное переживание города строится на личностных аспектах, включая отношение к городу как к малой Родине, как месту, с которым связаны многие события в жизни и где живут важные для горожанина люди.

Если городскую идентичность можно представить как «естественное ощущение своей связи с городом, эмоциональное отношение к факту собственной соотнесенности с городом и его жителями…» [Горнова, 2018, с. 14], то в ее основе лежат процессы отождествления с городом и осознания отличий своего города от других, которые во многом осуществляются на основе культурного кода города. Городская идентичность, которая является результатом идентификации человека с городом, происходит через осознание своей принадлежности к данному месту и к горожанам. Соответственно, идентичность можно понимать как присвоение культурного кода города, проектирование на личность культурных смыслов. Тогда как культурный код выступает в данном случае как система таких смыслов, которая обеспечивает идентификацию горожан с городом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.